

The background of the cover is a dark, monochromatic illustration. It features a central figure of a woman with long, dark hair, looking directly at the viewer with a somber expression. She is surrounded by other figures in a desolate, urban environment. In the foreground, there are several people, some appearing to be in a state of distress or conflict. In the background, there are silhouettes of buildings, including one with a prominent tower. The overall style is reminiscent of a charcoal or pencil drawing, with sharp lines and deep shadows. The text is overlaid on this illustration in a light yellow color.

Ирен Беннани

Les
promesses —
Обещания

Криминальная
мелодрама

Ирен Беннани

**Les promesses – Обещания.
Криминальная мелодрама**

«Издательские решения»

Беннани И.

Les promesses – Обещания. Криминальная мелодрама /
И. Беннани — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837514-9

Действия романа, написанного в жанре криминальной мелодрамы, разворачиваются на заре 21 века в эпоху перемен в России, Турции и Марокко. Судьба главной героини необычна, и вместе с тем, это настоящая удача для читателя увидеть жизнь семейного клана с традиционной культурой страны Марокко изнутри, куда вход крайне ограничен. История главной героини необычна: любовь, которая загоняет её в ловушку, и чтобы выбраться из неё, нужно распутать клубок преступлений...

ISBN 978-5-44-837514-9

© Беннани И.
© Издательские решения

Содержание

Белая полоса	6
Время разбрасывать камни	14
Метаморфозы	17
Совпадения	20
В начале	24
В лабиринтах	37
Призраки	41
Не жди ничего, воспринимай все как должное	43
Мархбебикум	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Les promesses – Обещания **Криминальная мелодрама**

Ирен Беннани

Иллюстратор Людмила Александровна Ломака

© Ирен Беннани, 2018

© Людмила Александровна Ломака, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-7514-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая полоса

Иллюстрация Людмилы Ломака

Раскачиваясь, придерживаясь за обледеневшую раму, он собирался прыгнуть – его ноги скользили по подоконнику вперед-назад, сохраняли хрупкое равновесие.

«Еще минута, и полетит вниз – это четвертый этаж», – ужас, охвативший меня, пробежал по спине мурашками. Выбежав на лестничную площадку, позвав на выручку соседа, я вернулась обратно.

Войдя в комнату, сосед увидел моего супруга; рывком схватив его за капюшон куртки, Виктор потянул на себя, и в эту минуту кнопки от капюшона стали отстегиваться одна за другой. Там, на улице, в снегу все еще лежала выброшенная накануне «Практическая магия» Папиуса¹.

С легким порывом ветра ее страницы открылись, казалось, что невидимая сила поманила к себе стоящего на подоконнике. Мгновение – он подался в сторону улицы, направляясь в свой последний полет. Время вело свой стремительный отсчет на секунды, и все же одну из кнопок заклинило; небольшой рывок – и самоубийца вернулся назад в комнату.

В продолжение утра, после сумасшедших волнений втроем сидя на кухне, я смотрела в какую-то в пустоту стен, почти не слыша соседа, когда до меня донесся обрывок его фразы:

– Ирис, скажи ему, что ты его любишь.

С удивлением думая: «Что происходит, или он не понимал, что всему есть предел, или издевательства терпеть бесконечно?» – я молчала и думала, что мне кому объяснять, когда мужчины не понимают, что издевательство нельзя терпеть бесконечно, в итоге все происшедшее – это финал, если говорить о семейной жизни – последняя капля ее, и точка.

Первое время, приходя в себя после развода, я все еще испытывала отвращение к бывшему супругу, нервный тик и заикание, затем и это прошло. Его письма, приходившие с просьбой вернуться к нему, оставались лежать без ответа. Помня себя только задним числом, просыпаясь, я смотрела в чудесное зеркало снов, разгадывая себя до очередного видения. Вот я сижу на кровати, за окном белый снег, а рядом мой бывший. Я спрашиваю:

– Что я здесь делаю?

– Ты не помнишь? Осенью я приехал и вернул тебя обратно.

Мне становится не по себе. Как же так?

Я поступила в университет, собиралась работать, новые друзья...

Ощущение отчаянья; мне кажется, я в нашей спальне, за окнами все те же обшарпанные стены домов и сосульки, они срываются с крыш, падая на подоконник, цепляются за него и снова летят и падают, чтобы поскорее разбиться.

Кошмары из прошлого приходили и мучили меня снова и снова. Во сне я выстраивала совсем иную жизнь, скрываемую в знаках конфликтных желаний.

Три года назад я думала, что знаю, кто я на самом деле и что будет со мной, но со временем все изменилось.

Лето пролетало незаметно, знойные дни перетекали в ночи, похожие на повторяющийся бег среди дел и забот, их колесо крутилось и набирало обороты.

Суэта лета утомляла, стремительный круг забот стирал мои попытки развеяться и оказаться на другой стороне желаний.

Точно так же, как многие люди, я не замечала другой стороны медали, пока в мою размеренную жизнь не влилась подруга.

– Ирисочка, пойми же, не за горами зима, а ты все так и будешь сидеть дома? – она села в кресло и изобразила: – Вот так, как сейчас – прижавши хвост.

И она права; летом меня окружают разнообразные встречи, их бесконечная череда; приезд родственников и друзей. Забываются и долгие дождливые вечера, и прошлое – холод северного полуострова, его пронизывающий ветер – спутник пяти одиноких лет, воющий о приближении старости, в вынужденном заточении квартиры.

Отбросив усталость, я спускалась к набережной, чувствуя прилив сил и легкость, подобно пушинке, улетающей от прошлого и от всех раздумий, удерживающих меня все еще там.

¹ Название книги и ее автор.

Тонкое платье, казалось, нашептывало что-то своему спутнику – загорелому телу, от порыва ветра к порыву, нежно касаясь, играя с ним. Неповторимый коктейль опьянял: шум приборя сливался с непрерывной трелью кузнечиков и откуда-то издалека летящих мелодий и звуков ночного кафе. В темноте моря отражались силуэты мимо проплывающих яхт, дразнящих неоновыми огнями и великолепием ускользящей романтической ночи.

Нам захотелось развлечься, и, войдя с Таней в кафе, я выбрала столик с видом на море. В ту же минуту она предложила:

– Давай закажем музыку – «Каждый хочет любить».

Любить захотелось многим, народ оживился, танцующие пары заполняли пространство.

Мелодии усиливали скрытые в глубинах эмоции, они рвались из подсознания наружу – хотелось любви, я просто задыхалась, жизнь перестала доставлять удовольствие, это состояние было сильнее меня, оно продолжало затягивать в свою воронку. Депрессия не хотела покидать меня; скучая, я наблюдала за жизнью, бурлящей внутри кафе, смотря на подругу, не теряющую драгоценных минут, стоящую с незнакомцем у бара. Мир вращался возле нее, как и мужчины, окружающие ее здесь.

Перспектива новых романов не захватывала, а смысл – «иметь без радости любовь, разлука будет без печали»? Татьяна из Питера смотрела на жизнь иначе: «Бери от жизни все и не верь обещаниям». Стильная, уверенная в себе, она имела все шансы на успех; внешность ее была яркой: вызывающий оттенок сливовых волос; упругое тело подтянуто, довольно круглые бедра облегли высокие шорты, белая футболка на золотистом теле освежала, полнота ей шла – неприкрытое излишество форм выглядело не как недостаток, скорее, напротив, пикантно. В ней все говорило о лете, о море, о притягательной женской силе. И медленно погружаясь в ритм испанских мелодий, все тело ее раскачивалось, движения из стороны в сторону будоражили и захватывали воображение.

Громкая музыка заглушала все окружающие звуки, и вдруг до меня долетел обрывок незаконченной фразы. Я обернулась – за спиной стоял мужчина, он приглашал на танец.

– Нет, – ответила я, ожидая, что вскоре его интерес иссякнет, однако вопрос повторился. – Что, музыка не та, не нравится?

Кивнула.

– Что нравится?

Он не заставил себя ждать, я хитро улыбнулась и добавила:

– «Отель „Калифорния“» «Иглс».

Отказать ему в танце теперь было бы неудобно – он возвращался от диджея,

Улыбка неожиданно преобразила его, мелодия «Отеля „Калифорния“» разлилась и заполнила собой ночное кафе. Я смотрела на упряма, и с каждым последующим шагом в танце мы познавали друг друга.

– Олег, – произнес он, ловя на лету мои ладони, это больше напоминало прикосновение бабочки, и его близость не ограничивала моих движений.

Я улыбнулась и сказала:

– Ирис.

Некоторое время мы молчали; я незаметно, украдкой присматривалась к нему; мое внимание привлекли на редкость яркие от природы волосы – рыжие – и поразительно зеленые глаза. Он был невысоким, овал его лица говорил о Востоке. На первый взгляд Олег казался мне непривлекательным, не нравился; я сохраняла молчание, полагая, что ему скоро наскучит такое «общение». Проводив меня к месту, где за нашим столиком ждала меня вернувшаяся после танца Татьяна, он оставил нас. Через официанта нам передали шампанское, к нему фрукты. Знаки внимания всегда приятны. Татьяна, покачивая бокалом, повернувшись ко мне, произнесла:

– Ириска, давай поднимем за нас! За вечер, чтобы он приносил удачу.

– Кажется, она уже началась? – услышали мы слова оказавшегося рядом хорошо сложенного молодого брюнета. – Вы позволите составить вам компанию?

Парень сделал жест в сторону стола, откуда нам передали шампанское. И мы обратили внимание на его приятеля – им был Олег.

– Мы приглашаем вас к нам – так сказать, скоротать вечер, – продолжал брюнет.

– Не возражаем, – ответила Татьяна, глаза ее заблестели, при этом она шутливо состроила рожицу, подмигнув симпатичному незнакомцу.

– А хотелось бы наоборот, – добавила я.

Быстро отреагировав на приглашение, новые знакомые заняли места за нашим столом, а затем поменяли их, располагаясь парно, Олег – рядом со мной. Его присутствие меня злило, мне не хотелось таких перемен в этот момент, и вечером сегодня, и вообще; откровенно говоря, желала бы видеть рядом мужчину другой внешности. Но портить вечер Татьяне не стала и решила немного приглушить мое эго – посидеть молча. Последующие минуты разговаривали все сидящие за нашим столиком, кроме меня, я терпеливо слушала.

Не отрываясь от холода голубых глаз, Олег произнес:

– У тебя красивые руки.

Эта фраза одна из тех, которую слышу одной из первых, и часто от новых знакомых.

– Ты заметил? – иронизировала я, смотря на полумрак и танцующих там.

– Я все замечаю, – Олег с непроницаемым видом сохранял молчание и смотрел мне в глаза.

Я опустила ресницы, медленно приподнимая их и искоса смотря на него. Продолжая его испытывать, выдерживала паузу и одновременно не упускала из виду сидящую напротив Татьяну. Она то задерживала на нем долгий взгляд, то отводила в сторону.

Странная первобытная игра взглядов, подобная тем, что важна для животных, определяющая их положение в стае, происходила между сидящими здесь; четверо котят: белая с рыжим, темно-рыжая с черным, – как показалось бы со стороны, мило мяукающих, а взгляд каждого говорил за себя: «Вступи на мою территорию, и ты почувствуешь, как остры мои коготки».

– Так какой будет тост? – обратился Олег.

– За знакомство, за наше случайное знакомство, – уточнила Татьяна.

Поставив бокалы, переглянулись с Татьяной; подруга, подмигнув Олегу, приглашая его на танец, сказала:

– Пойдем потанцуем?

Олег не успел опомниться от такого вторжения в его планы, но Татьяна опередила. Было заметно, что ее приглашение не вызвало у Олега восторга или улыбки, скорее минутное замешательство, вынужденную деликатность джентльмена по отношению к даме. А я, оставшись мысленно «со своими котятками», почувствовала, как надела непроницаемую маску на свое лицо, и выразила полное безразличие, кивнув утвердительно на вопрос Олега: «Не возражаешь?».

Внешне оставаясь равнодушной к отчаянной его попытке зацепиться, вернее остаться, я притянула ближе к себе аперитив и, вставив в него тонкую трубочку, стала медленно поглощать его небольшими глотками, улыбнувшись брюнету.

После танца они оказались за столом рядом. Я заметила и некоторые перемены, особенно в ее поведении: глаза Тани как-то бешено заблестели.

– Что это?

– Где, Танечка?

– У тебя на руке. Алмаз? Черный?

Слегка придерживая бокал, играя блеском черного камня, Олег улыбнулся. Бриллиант притягивал взгляд, переливаясь всеми его гранями, отражая мерцание света, – блеск его был неподдельным.

– Нет, Танечка, так – какие-то стеклышки.

Теперь мне стало неудобно за Татьяну и за ее нескромный интерес, захотелось уйти. Слегка подкинув стакан и стараясь изменить тему, спросила:

– Так где шампанское? Закончилось?

Олег перевел взгляд на своего приятеля, и тот кивнул.

– Нам пора, – сказала я.

Мы встали и ушли, оставив новых знакомых в недоумении одних.

Несколько дней пролетели незаметно. Иногда по вечерам Татьяна замечала наших новых знакомых:

– А Олег с приятелем здесь.

Оборачиваюсь – за крайним столиком действительно различаю похожие силуэты. Нечасто мы проводили вечера одни – то одноклассники из Санкт-Петербурга, то другие знакомые встречались на набережной в эти дни: лето – пора путешествий. На следующий день у Татьяны был день рождения, и даже досадное погодное обстоятельство – целый день лил дождь – не помешало нам этим вечером выйти из дома. Когда, стоя у входа в подъезд, я увидела мелькнувшую в потоке дождя машину, я позвонила. Но машина с моим одноклассником только подъезжала. Оказывается, еще кому-то в такой ливень не сидится спокойно. Я не придавала значения случайностям, возможным совпадениям, думая о предстоящем вечере. Мне хотелось поздравить свою подругу, подарив ей эту прогулку, чтобы время, проведенное в этот день, запомнилось ей только хорошим. Когда мы подъехали к площади, дискотеки не было – ясно, что причиной тому была непогода. Тогда мы решили зайти в ресторан, но, проведя там часть вечера, вернулись обратно. Дождь прекратился, и мы вошли в кафе, что располагалось на набережной у нашего дома. Среди редких посетителей, оказавшихся здесь в позднее время суток, выделялись знакомые две фигуры – это были Олег и его коллега.

Распрощавшись с сопровождающим нас вечером одноклассником, мы устроились за одним из свободных столиков в кафе; начиналась конфликтная ситуация с официантом. Неожиданно к нам подошел Олег, и конфликт незаметно был сглажен.

Вчетвером мы покидали наш столик, завершая вечер в другом заведении, в котором впервые и встретились. Обстоятельства все больше сближали нас, как и последующие за минувшими сутками часы, проведенные вместе.

– Удивительно, – заметил Олег, подходя к нам, – сколько же дней я наблюдал за вами, к вам не всегда возможно подойти.

Сегодня я была рада сложившимся обстоятельствам и присутствию Олега в нашей компании, так как странные незнакомцы, совсем не похожие на отдыхающих или туристов, такие изможденные, с серыми оттенками лиц, державшиеся как-то особенно настороженно, расположились в другом углу зала. Казалось, они готовы были в любой миг сорваться с места; все в их движениях говорило о внутреннем напряжении, идущем вразрез с местом, куда люди приходят расслабиться. Что же они позабыли здесь, среди праздной публики, наслаждающейся отдыхом и прохлаждающейся в кафе? Несколько минут назад меня беспокоил этот вопрос, и до присутствия с нами Олега мне становилось не по себе: необъяснимое чувство страха подталкивало меня покинуть набережную. Но с появлением моего нового приятеля я забыла обо всем, что тревожило раньше.

Вечер прошел оживленно: пили шампанское, танцевали. Было весело, но какое-то беспокойства оставалось. Олег предложил проводить меня. Поднимаясь с ним по лестнице, я осознавала: мы страстно целуемся. Яркий свет подъезда слепил мне глаза; какое-то мгновение – и мы прощаемся у двери.

На следующий день мне хотелось побыть дома, однако вечером мое настроение изменилось, и я последовала за подругой к морю.

Когда я спускалась на набережную, неожиданно от ближнего угла дома отделился незнакомец. Ведя на поводке щенка бультерьера, он разговорил меня. Раньше я его не встречала, как оказалось, он – интересный собеседник. Прощаясь, мой таинственный приятель подвел меня к самому входу.

В кафе я увидела Олега – он сидел рядом с Татьяной. Я несколько удивилась тому, что он сразу меня увидел. «Как будто ждал», – пронеслось в голове. Заметив меня, он повернулся, жестами приглашая присоединиться; музыка сопровождала танцующим. Навстречу мне вышла Татьяна:

– Ирис, Олежка тебя там ждет. А я с моим новым знакомым сижу в соседнем кафе.

– Я давно тебя жду, беспокоился, – услышала я взволнованный голос. Оказывается, вчера я обещала ему прийти.

Когда жестом он дал понять своему приятелю, чтобы тот оставил нас, он ушел. Мы остались одни, Олег продолжил:

– Ко мне приехала одна просто хорошая знакомая, я переживал, что ты истолкуешь иначе, возможно, ты меня видела с ней, когда мы проезжали, а ты куда-то спешила, поднимаясь в противоположную сторону! Я думал об этом, ожидая тебя сегодня, я жду тебя около двух часов...

Я смотрела на него изумленно и видела, что Олег очень взволнован; объясняя ситуацию, минутами он начинал заикаться. Моя ироничная улыбка воспринималась как недоверие к нему.

– Я не видела вас, не обратила внимания на тех, кто проезжал по встречной. Наверно, после пляжа мне захотелось вернуться скорее к дому, чтобы немного поспать.

Но слова мои ему показались неискренними, и вдобавок к концу беседы Олег мне признался, что девушка – приемная дочь, внезапный приезд которой объясняется ее привязанностью к нему.

Трепетное отношение Олега меня подкупало и трогало. Одновременно я ощущала, как барьер между нами таял.

В последующие минуты мне все больше хотелось слушать его и дальше – я готова была разговаривать с Олегом часами. Внимать его выразительную речь, бархатный раскатистый голос, точные и простые фразы. Они всецело захватили меня и уже несли в своем водовороте. Перед собой я видела просто влюбленного мужчину. Зеленые глаза Олега с каждым мгновением околдовывали и нравились мне сильней.

– Ирис, ты в тоненьких коротких шортах, они безумно тебе идут. Не могу отвести глаз от твоих загорелых ног, – продолжал он осыпать меня комплиментами. – Позволишь накрыть твои плечи?

Олег заботливо надел на меня свою легкую ветровку и нежно провел рукой по моим плечам. Я ощутила нежность, идущую от него.

– Пойдем куда-нибудь, Ирис? Мне хочется тебя слушать, здесь шум заглушает твой голос.

С каждым произнесенным словом он все больше захватывал надо мною власть. Я перестаю ему возражать. Мы смеемся и уходим.

– Ты лукавишь?

Мой вопрос остается без ответа, Олег обнимает мои плечи. Тепло, идущее от него и его прикосновений, все больше передается мне, оно согревает на ветреной набережной, все сильнее распыляя растущее желание.

– Ирис, ты мне что-нибудь покажешь?

– Не знаю, – я ухожу от ответа. Не знаю почему, но мне захотелось на лунную поляну.

Среди слабоосвещенной аллеи парка, поднимаясь по длинному ряду ступеней, примыкающих с одной стороны к обрыву, ощущая за собой его дыхание, не оглядываясь назад, я продолжала идти. Здесь у сосен и лежавших под ними опавших мягких иголок резко заканчивался лес. Я остановилась на краю обрыва; открывался вид на море, его темно-синюю даль, исчеза-

ющую за поворотом. Первые минуты я ходила по поляне назад-вперед, не решаясь выбрать место.

Заметив мою нерешительность, Олег остановил меня и произнес:

– Сядем здесь, – затем он поинтересовался: – Можно я выпью с тобой на брудершафт?

Я подергала плечами, не зная, как ему возразить.

– Мы пьем божественный напиток, сегодня он такой – из любимых рук.

Я сижу спиной на восток и угощаю моего гостя, ощущая, что таинство, происходящее сейчас с нами, нечто большее, чем простое свидание. Все напоминает древний обряд, свершающийся интуитивно. Вино переливается из уст в уста, я чувствую, как тепло его тела, его аура, вливаясь, наполняют меня.

– Ирис... – продолжает он, не отводя взгляда, – твое тело, оно так прекрасно, смотри – играет лунный свет, оно заблестело.

Это был лунный загар, который сейчас приобрел настоящий оттенок.

– «Ночь придает блеск звездам и женщинам» – так сказал Байрон, – неожиданно для себя я услышала подтверждение своих мыслей. – И я с ним согласен. Хочу на тебя посмотреть.

Он приблизился ко мне.

Как бы со стороны наблюдая, я ощущаю происходящее: Олег раздевает меня и, обнаженная перед ним и луной, я испытываю такое блаженство, его губы нежно целуют.

Легкий ветерок с каждым дыханием доносит запах хвои и смол, он дурманит. Таинство ночи, сравнимое только с обрядом древних богов Эфеса, царило на этой поляне. Она напоминала мягкое ложе из пихтовых веток. Верхушки деревьев и ночь – все смешалось в одном амбровом поцелуе. Манящее притяжение желаний, нарастающее с особенной силой, и первые минуты рассвета, время, когда выходят на утренний небосвод и встречаются солнце с луной... Я сделала шаг к сосне, чувствуя ее силу и неровные выпуклости ствола, эти приятные и острые ощущения на краю обрыва.

Олег последовал за мной. Его тело сначала, соприкасаясь, едва касается, постепенно приближаясь ко мне, тогда наши голоса становятся едва слышными и утопают среди шорохов леса. Незаметно стоны и шепот становятся все громче, гармонируя с дикими первобытными звуками леса, его ночных обитателей, сливаясь с пугающим плачем шакалов, уханьем пролетающих сов и резонирующим эхом филина. Звуки перекликались со стонами, сопровождая странные танцы двух людей на освещенной луной поляне, их стоны перекликались, переплетаясь, витая среди сосен и растворяясь в уходящей ночи.

– Светает.

Лежа на мягком сосновом ложе, рассматриваю его глаза в поволоке.

– За тобой встает солнце, но и луна не уходит.

– Это двуликий Янус наблюдает за нами, – продолжает мой спутник.

Последние минуты, проведенные вдвоем, таяли, опьяняя. Олег обнимал меня, и я ощущала, что совсем пьяна или от блаженства пьянею.

Солнце играло первыми нежными лучами, бросая блики на его рыжие волосы; мужчина наклонялся все ниже, следуя за моими руками, ловил гладившие его руки, медленно целуя их своими нежными губами. Когда он прищурился и блики света заиграли в его знойно-зеленых глазах, они казались какого-то животного цвета, дикого оттенка, присущего обитателю леса.

Как будто издалека доносится и становится все отчетливей звяканье мобильного телефона. Ничего не подозревая, я отдаю его Олегу.

Разговор длился долю минуты и так же внезапно был завершен. Ловлю странные перемены, приведшие в замешательство Олега, его лицо; это выражение, взгляд, который возможно заметить всего на долю секунды и появившийся сейчас так же внезапно у Олега. Выражение затравленного зверя, что заставляет обладающего им совершить непредвиденный маневр – возможно, затеряться навсегда.

И, ничего еще не понимая, я продолжала:

– Как красиво, лицо у тебя все в блестках... Ну да, от меня.

Я чувствовала себя такой счастливой и продолжала смеяться.

– Ирис, сегодня я уезжаю. Не хотел тебе говорить – я хочу остаться, но, понимаю, не получится. Моего шефа убили.

Все происходило так быстро, что я не осознавала реальности последних уходящих минут.

Прощаясь, мы целовались у моей двери, я не верила, что он и правда уезжает. Сказанное больше напоминало злую шутку.

– До свидания.

– Я позвоню, – пообещав, Олег ушел.

Дни, последовавшие за его отъездом, протекали, как прежде, только в кафе, когда мы его посещали, звучало несколько мелодий «для Ирис». Они были о птице, о голубых глазах и скучном одиноком вечере, который преобразается, когда встречаются влюбленные и, любив друг друга, расстаются навсегда. Мне слышалась глубокая грусть, льющаяся из глубин мелодий, оставленных Олегом.

Время разбрасывать камни

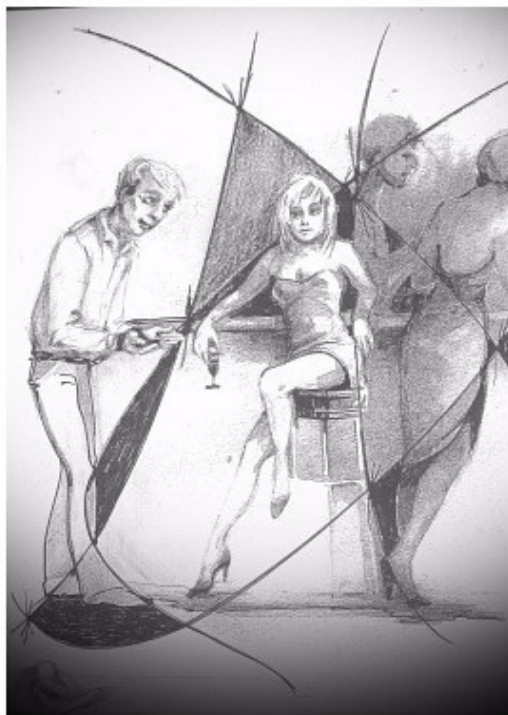

Иллюстрация Людмилы Ломака

Прошло несколько еще похожих один на другой дней, когда мы с Таней вновь пришли на набережную в кафе и заняли свободный столик – тот, что оказался перед сценой. Слева сидела мужская компания, их внимание к нам было явным. В эти минуты музыка дополняла мои мысли, я не обращала внимания на их заигрывание, продолжая вспоминать освещенную луной поляну, ночное свидание с Олегом. Внезапно фигура одного мужчины отделилась, спустившись ниже танцевальной площадки, в мерцающем свете он танцевал. Возникновение вызова, выражение отчаянного жеста – привлечь внимание, его странное поведение перед глазами вырвало из мира грез.

Его тонкая одинокая фигура парила, сливаясь с легкой нарастающей прохладой еле уловимого ветерка, пластика ощущалась в каждом повороте тела. Красота движений, ускользающие, отрывистые жесты, отчаянье летящего ночного мотылька завораживали.

Когда последовали медленные мелодии, передо мной стоял он, танцевавший соло.

– Можно вас пригласить? – спросил незнакомец.

Минуту я колебалась, но, заметив его испытывающий и, казалось, умоляющий взгляд, я приблизилась к нему.

В медленном движении пьянящих звуков в такт мерцающей светомузыки мы танцевали, появляясь и исчезая среди танцующих пар, с новым порывом ветра рискуя в любое мгновение сорваться и улечь к прохладному бризу темнеющей набережной.

– Денис, – представился он.

У него оказался легкий, веселый характер, располагающий к себе открытостью и простотой общения. Хотя в первые минуты знакомства я и Таня несколько ритмов подряд отказывались танцевать с ним, пытаясь отстраниться.

С подругой мы отправились в соседнее кафе, за нами последовали и новый мой знакомый с приятелем, который был явно старше. Там снова подошел к нам Денис и предложил провести остаток вечера вместе, выражая свое желание и просьбу яркими комплиментами в наш адрес, и мы не устояли.

В течение вечера Денис находил интересные темы, то развлекая нас всеми возможными шутками, то изображая магические фокусы с исчезающими в его рту фруктами и завершая свое представление «глотком гусара».

Когда наша компания разделилась на пары, Денис провожал меня, и, наконец, мне наскучило бесконечное занятие самоистязанием. Я подумала, что вряд ли встречу с Олегом, думая, что мелодии, оставленные им, не были случайными. Мне казалось, их смысл в недосказанном или в том, что мужчина не скажет: «Не верь обещаниям, лучше забудь меня сразу после отъезда». Мысли мои подтверждались тем, что спустя несколько суток после того, как Олег уехал, он ни разу не позвонил.

Светало. Гуляя с Денисом в окрестностях моего дома, я смотрела на окна: в них постепенно загорался свет. Я сравнивала Дениса, более откровенного в порывах и чувствах, с Олегом, объясняя его поведение их возрастной разницей; Денис не хотел возвращаться в гостиницу, стараясь удержать меня своими нежными поцелуями, но было уже поздно... или рано? Наверно, он так бы и поступил, блуждая у моего дома... И, возможно, желая забыть Олега, я сказала:

– Слушать птиц, когда утром пьешь кофе, приятней.

Мы поднялись ко мне, дома все спали. На кухне мы находились вдвоем. Некоторое время, стоя с Денисом у окна, любовались видом ночного мыса, постепенно он покрывался бликами морской бирюзы. словно невидимый живописец раскрашивал свои полотна, добавляя в них свет. Его черная полоса гор на фоне светлеющей дали приобретала размытый контур, сливаясь с цветом моря, уходящего за горизонт. Ночь наполнялась нарастающими звуками утра; наперебой трещали обитатели леса и трав, казалось, все в природе рвется наружу. Прикосновения губ и нарастающие ласки Дениса возбуждали меня все сильнее. Цвет темно-карих глаз все сильнее привораживал меня, в каком-то гипнозе направляя к себе мои мысли. Эмоции переполняли, я чувствовала, что теряю голову, – это безумие, устав от бесполезных и тщетных попыток сдерживать себя и пустив на самотек свои желания, оказавшись в водовороте его соблазнительного поцелуя.

Незаметно подкралось утро.

В девять нас ждали у дома. Денис и вчерашний его приятель с Таней стояли у подъезда, когда я подавала им сигналы о завершении сбора.

Через час мы плавали, прозрачная вода моря освежала. День был жарким, от раскаленного солнца стало невыносимо, и мы переместились в бар. Полуодетая, я, как принято в приморских городах, накинув легкое парео² на купальник, вытирала влажные волосы маленькой дочке. Был полдень, когда я пила с дочкой сок, а Денис ухаживал за нами, расспрашивая нас о десертах, напитках, затем заказывая их услуги. Все время, пока мы гурманили, он фотографировал. Я смотрела на снимки – на них белокурые женщина с девочкой. Открытые большие глаза дочери и почти такие же полужакрытые мои, сидим в позе ногу за ногу, наклонившись торсом к столу, тело в легкой бронзе загара.

Супружеская пара, находясь неподалеку, наблюдала за нами, казалось, немного завидуя. В глазах Дениса читалось обожание, его взгляд выражал радость при виде меня и затаившееся

² Тонкий платок, который используется женщинами на побережье как часть одежды в летний сезон.

отчаянье последних уходящих минут. Возможно, Денис хотел остановить время... не знаю, что он делал, каким образом все происходило, но в движениях Дениса не было намека на суету или спешку, заметную всегда перед разлукой.

Когда солнце стало сходящим, мы поднялись по аллее вверх, оставив позади людей, набережную и брошенные с пирса монеты

Денис коснулся губами руки, нежно поцеловал ее. Ему пора было ехать. Я смотрела на фигуру, исчезающую за поворотом, когда мы расстались.

Метаморфозы

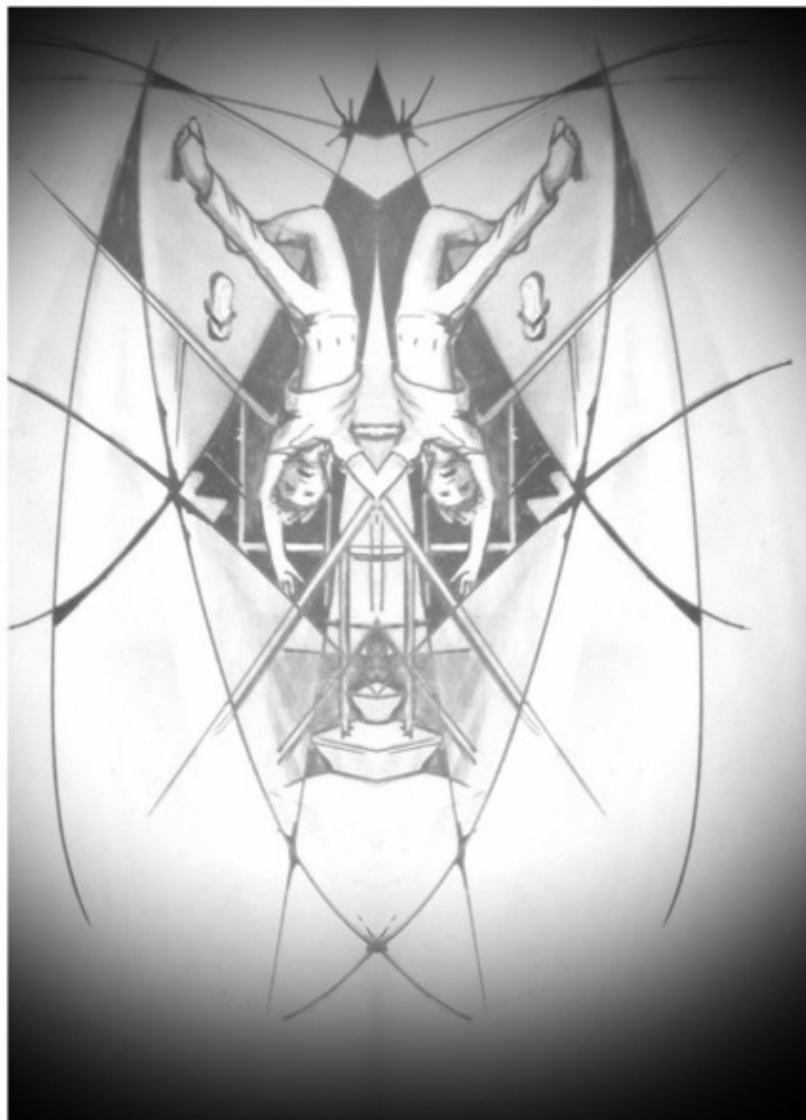

Иллюстрация Людмилы Ломака

Стемнело. В уютном кресле в полумраке балкона было спокойно и как-то особенно хорошо утолять жажду небольшими глотками, смотря на полет мотыльков, слушая непрекращающийся стрекот ночных цикад, приятно звенящих в уединенной тишине.

Долгожданная прохлада после жаркого дня наступала, я наслаждалась вкусом кисловатого вина, сидя и думая о нашем разговоре с Олегом. С грустью представляя дальнейшие, возможно, последующие события, ведущие в будущем к неминуемому финалу отношений. Раз-

мышляя о возможности перемен. Почему в последние дни в моем поведении происходят все эти метаморфозы, а я не могу предугадать их, я живу по каким-то неведомым правилам, совершая движения как в шахматных играх? Кто я – королева своих желаний или другая фигура? Какое влияние на судьбу оказывают занятия хиромантией, или гадания по руке?

Я думала о том времени, когда студенткой приехала на каникулы и навещала свою родственницу. Мы сидели в ее комнате, день был тихий, безветренный, немного душный, в открытые нараспашку окна то и дело залетали ласточки, кружась, как обычно, перед грозой. Нина внимательно смотрела на мою ладонь, и слова, слетевшие с ее уст, тогда сильно огорчили меня. Они показались мне обидными – я была влюблена и строила планы на будущее, ее предсказание портило их, я желала бы, чтобы все сложилось иначе. Мои мечты улетали, как птицы, прилетающие весной, чтобы покинуть осенью, а предсказания сбывались, подтверждаясь на практике.

Сначала первый и короткий период, увиденный на руке, – мое первое замужество и долгие последующие за ним годы, годы душевной боли, которые, подобно зубной, я пыталась заглушить, но через небольшой период времени все возобновлялось. Лишение первого брака я обрела во втором, период его был немногим длиннее. Не ведая, исполняя и творя путь, предначертанный на руке, разгадка его – это замысел судьбы.

Думая о жизни, о нереальности перемен, больше склонялась к мысли о третьем периоде.

Почему я не могу выскочить из жизненного сюжета, из зеркального отражения линии судьбы? Потому ли, что меня захватывает роль и я становлюсь тем, что исполняю?

Звонок Олега прервал размышления. Вопрос его несколько озадачил своей актуальностью, показавшись провокационным:

– Где ты?

– Я дома.

– Ирис, знаешь, я уехал, но наши ребята оставались еще дней на пять у вас на море, – продолжал снова удивлять меня Олег.

Чувства, которые испытывает загнанный зверь, овладели мной. И противоречивые мысли о недавних встречах с Денисом пронеслись в моей голове. Так почему же Олег ничего так и не сказал мне о моих прогулках с Денисом? Нас не могли не видеть. Непонятно, почему Олег не спрашивал, с кем я провела несколько дней после его отъезда. Все это выглядело противозачинным, хотя несколько настораживало и привлекало как достойное мужчины.

Неожиданно он признался:

– Ирис, я люблю тебя.

– Скажи, что ты пошутил.

И я рассмеялась, держа трубку, откуда был слышен голос его приятеля, обращенный к другим с просьбой приглушить музыку: «Потише, Олег разговаривает с Ирис», – видимо, там шла вечеринка.

– Нет, не шучу, это правда. Я люблю тебя.

Первые слова, произнесенные Олегом, были откровенными и несколько шокирующими.

– Ты обманываешь себя, думаю, это курортный роман, о нем ты легко забудешь.

– Ты не знаешь, как я могу любить, – возразил мне Олег

Я не знала его настолько, чтобы подтвердить или опровергнуть правдивость сказанных слов.

В течение месяца Олег еще несколько раз звонил, интересуясь ближайшими планами, надеясь на встречу, в зависимости от его обстоятельств.

В конце октября звонки Олега прекратились. Меня огорчали несбывшиеся ожидания, неосуществленные планы, или мы так устроены, как дети, желающие получить то, что у них было, или то, что отняли.

Если звонки Дениса меня радовали, то звонки от Олега я особенно ждала, отдавая ему предпочтение. Последнее время голос Дениса сопровождал меня повсюду, он продолжал мне

напоминать о себе, делаясь переживаниями, давая понять, как ему не хватает меня. Он часто звонил. Денис скучал и не скрывал от меня своего подавленного состояния.

– Солнце мое, как ты?

– Денис? Все хорошо.

– Как я рад тебя слышать! Все время вспоминаю, – продолжал он, – юг, солнце, тебя – мое солнце.

– Как у тебя на работе?

– Все плохо. Ирис, ты не представляешь, как мне трудно в этом холодном, сыром городе. Я все время вспоминаю море и как увидел тебя – солнце.

Уже минуло полгода, как мы расстались с Денисом, но отношения между нами оставались очень теплыми.

Олега я больше не видела, он так и не приехал и больше не звонил мне. Однажды я позвонила ему – на его работе мне ответили, что он пребывает в отпуске. Я не могла ничего понять: полгода? Однако со временем стали происходить события, которым я не находила объяснений.

Совпадения

Поздним ноябрем, в полночь, мой поезд прибыл на станцию города, где по совпадению проживали и сестра, и Денис. По пути следования такси мне показалось, что какая-то машина останавливается и ее владелец выходит у тех же магазинов, что и я, внимательно наблюдая за мной. Что ему надо? Однако с покупками и совершенно без происшествий я подъехала к одинокому домику на пустыре городской окраины. Моя любимая сестра встречала у калитки.

Так как Денис следовал сюда по пути из Ростова, к прибытию поезда он не успевал. Спустила пару часов, когда я и сестра вдоволь наговорились, мне позвонил он. Примерно минут через двадцать Денис стоял у порога с цветами. Теперь втроем мы отмечаем столь замечательное событие – мой приезд. Затем последовало и приглашение Дениса.

По дороге мы делали остановки у ночных магазинов – Денис, как обычно, старался угодить моим гастрономическим пристрастиям. Квартира, куда он привез меня, показалась необжитой. На кухне на столе стоял одинокий бокал с вином. Все было новым, нетронутым; мебель в прозрачных чехлах, подернутых пылью, и на блестящей плитке стен кухни у раковины не наблюдалось признаков жизни.

Теперь мы остались вдвоем, и небольшие часики на кухне начали отсчет уходящего времени.

Денис достал второй бокал, и я произнесла:

– За красоту и любовь?

– Вне сомнений! За тебя, солнце.

Денис, подойдя ко мне, сидящей на стуле, присел у моих ног, целуя их, любясь моим загаром. Постепенно поднимался все выше, расстегивая пуговицы одну за другой на тоненькой блузке, и его медленные движения усиливали растущее желание близости. С бокалом вина мы перешли в комнату: в центре раскинулся диван, а на полу у музыкального центра стоял миниатюрный ночник с рыбками, слабый свет его освещал небольшое пространство в углу. Рыбки в светильнике плавали вверх и вниз, причудливо меняя свои парафиновые формы. Мы подошли к окну и стали смотреть на темные переулки; становилось все жарче, сзади ко мне прижимался Денис.

В какой-то миг до слияния тел я ощутила, как Денис отстранился, но ласки не прервались, они продолжились, изменившись; я ничего не могла понять. Денис, продолжая разговаривать со мной, в эту минуту выключил светильник. В комнате стало темно, ночной дворик освещал одинокий фонарь. Очень знакомыми стали мои ощущения. «Олег!» – пронеслось далеко в моем подсознании; скоро волна наслаждения захлестнула меня и понесла на гребне в свой мир, не дав мне времени опомниться, повторяя настойчиво: «Это он». Я уснула, спала легко, подобно младенцу.

Утром мои сомнения уже казались нереальными. Я проснулась в объятиях Дениса, думая: «Ну откуда взяться Олегу, что за фантазии?» Мне показалось, что ласки Дениса стали другими (я снова вспоминала об ощущениях минувшей ночи) – словно Денис вел себя так, как это происходило с Олегом. Занятия любовью утром больше утверждали меня в сомнениях относительно «его» ночных ласк, и я чувствовала тому подтверждение с каждым последующим прикосновением Дениса. Ночью эти ощущения были иными. Но как я могла об этом ему сказать? Думаю, ему было бы неприятно услышать, что я говорю о другом. Да и Денис вел себя так, словно всю ночь он был моим стражем, проводя ее в ожидании близости или длительной любовной прелюдии.

Настойчивые звонки повторялись, заставив Дениса вставать. Когда я вышла из ванной, обнаружила свою одежду, оставленную ночью на кухне, и завтрак, приготовленный Денисом. Когда, продолжая трапезу, мы рассказывали о себе, в окно кухни, кто-то бросил маленький

камушек; я привстала со стула и заметила там, на улице, двух мужчин, стоявших напротив окон. Вскоре мы вышли, и, покинув подъезд, я ощутила холод ледяного ветра, летящего с клубами пыли прямо в лицо. Ветер был невыносим: кружа вокруг меня, он проникал мне в одежду, бросая пыль в глаза и пронизывая насквозь. Стоять на одном месте было невозможно, каждая минута казалась мне испытанием. Двое мужчин, которых я видела через окно за завтраком, отделились от угла дома и последовали за мной. Они о чем-то переговаривались, но одно слово меня очень насторожило – «отец». Кажется, они сказали: «Отец нас заберет». Я вспомнила: летом так его приятель назвал Олега. Точно: по этому поводу Татьяна иронизировала в кафе. Хотя Олег был старше своего коллеги лет на шесть. Появившиеся незнакомцы остались на некотором расстоянии, когда Денис подошел ко мне, прервав мои запутанные мысли, открывая мне дверь авто.

Дома нового престижного микрорайона, в одном из которых мы провели ночь, находились в живописном месте – оно простиралось вдоль широкой реки. На противоположном берегу ее возвышались купола церквушек, они блестели и переливались на солнце. Машина проехала по кругу автомобильного кольца, в голове рождались аналогии: первая встреча поэта с танцовщицей – Айседоры Дункан и Есенина, их ночное венчание. Авто выехало на автостраду, завершая воображаемое венчание, вдали остались башенки храмов, растворяясь позолотой в небе. День был ясным, лабиринты старого города контрастировали с новыми очертаниями улиц.

У дома сестры мы расстались.

К концу следующего дня, найдя по универсаму, мы с сестрой поймали маршрутку. Но увиденное из маршрутки ассоциировалось с неким миражом. За маршрутным такси следовал черный БМВ, зачем-то повторяя остановки маршрутки. Ошибки не было – я отчетливо видела, что в машине рядом с водителем находился Олег. Случайно ли появление Олега, или это совпадение? Я ничего не понимала: зачем было Олегу играть со мной в догонялки? Должно быть, я запуталась окончательно.

Стемнело, когда к дому сестры подъехал Денис.

– Кажется, это к тебе, – сказала она.

– Вообще-то мы не договаривались.

– Но сейчас он идет сюда.

Я подошла к окну: так или иначе, но сестра не ошиблась.

Муж ее стоял во дворе с приятелем, когда Денис уверенной походкой прошел мимо мужчин, разговаривающих между собой, когда они заметили его, следующего в дом. Видя происходящее, мой родственник был шокирован. Однако приятель мужа в ту минуту нашелся и спросил:

– Вы к кому?

– К вашей жены сестре, – отвечал ему Денис.

Конечно, он не мог видеть ее мужа, отсутствующего вчера.

– Должно быть, я пропустила твой звонок.

– Нет, – сказал Денис, глядя на меня и продолжая: – Ирисочка, прости меня, что ворвался. Я просто не находил себе места, весь день на работе я думал об одном... – он на минуту замялся, а затем, пытаясь выправить свою оплошность, добавил: – Думал о тебе и ничего не мог с собой поделать. Может быть, погуляем?

– И ты спрашиваешь? Я должна бы удивиться, насколько ты плохо меня знаешь! Я люблю ночные прогулки.

Без лишних церемоний накинув легкую куртку, я вышла. Денис провожал меня к машине, его что-то угнетало. Но причину этого состояния Денис не открыл, а я не стала расспрашивать, думая, что суета и заботы тому виною. Автомобиль набирал ход, покидая тихие лабиринты окраин, легкий ветерок из приоткрытых окон запутывал волосы, врываясь в салон.

– Не надо так быстро, разве не знаешь – я трусиха...

Денис, переключал скорость.

– Да, солнце, не обижайся. Последние дни я был сильно измотан, это скоро пройдет.

Денис плавно повел машину, одновременно рассказывая о старинном городе, мерцающем впереди. Его неоновая жизнь возрождалась, ранее незнакомые мне очертания в минуты знакомства с ним словно заигрывали, подмигивая разноцветной рекламой, гирляндами огней в веренице витрин, играя с воображением, пронеслись проспекты. Ночная жизнь становилась ярче, притягивая к себе и маня в блестящие сети ночных магазинов, супермаркетов, клубов и ресторанов. Прогулка по освещенным улицам какое-то время увлекала, пока один из темно-черных автомобилей, показавшись знакомым по дневным догонялкам, не проехал близко, почти вплотную, на долю минуты прижавшись и поравнявшись с нами. Он время от времени возникал с нами рядом, что повторялось около десяти минут.

Я убрала свою руку с колен Дениса, решив исключить любопытство сидящего в обгоняющей нас иномарке. Она прижималась к нам совсем близко – так, словно сидящего в ней интересовали мы и отношения между нами. Проехав еще квартал, мы скрылись, свернули в проулок затемненного парка. Там, в дальнем углу его, вышли. Стало как-то не по себе, немного тревожно и грустно; мысли о скоротечности момента встречи настойчиво одолевали, хотелось продлить исчезающие минуты, стоя среди тихой красоты этого ночного пейзажа. Я понимала, что причины внезапной прогулки заключались в чем-то другом.

Денис обнял меня и нежно коснулся моей щеки – блестела слеза.

– Солнце мое, не надо, еще этого нам не доставало.

Он погладил меня по лицу – от рук его пахло одеколоном.

– Сладкая моя, жизнь у меня и так была серой до встречи с тобой. Я рассказывал, что впервые поехал к морю, на сутки, где сразу встретил тебя. Когда вы с Танькой зашли в кафе, я подумал: «Вот настоящие женщины».

Не знаю, что на меня нашло, я продолжала плакать.

– Не надо, солнце, не расстраивай меня, мне и так тяжело.

Нежные руки Дениса гладили мои плечи, но я не сразу смогла успокоиться. Его губы касались моих глаз.

Хрупкую гармонию парка неожиданно разрушила патрульная машина, которая незаметно подкралась к нам, – вой сирен нарушил тишину. Причина ее появления была в нашей неположенной парковке. Как они увидели темную машину в безлюдном месте, оставалось загадкой. Мне стало не по себе; как если бы стоял обнаженным, когда зашел посторонний и застигнул врасплох. Стражи порядка настойчиво требовали проехать с ними. Денис набрал номер на мобильном и связался со своим знакомым, передав затем трубку полицейским. После короткой беседы между ними от нас отстали.

Мы покидали темный парк, но тревожные мысли снова одолевали меня. Мне казалось, что наше желание встретиться кому-то не нравится, и недавно терзавшее меня сомнение подтвердилось на практике.

Денис стал курить и смеяться:

– Со мной еще такого не случалось, да, Ирис. Надолго же я запомню эту встречу!

Денис продолжал нервно и неестественно смеяться. А мне в это время хотелось молчать, трудно произносились фразы, каждое слово давалось с трудом.

– Да, не вызывает восторга.

Вернувшись обратно, Денис признался, что сейчас выезжает в Ростов, и мы с ним простились у дома сестры. Обернувшись, я увидела ее у калитки: она шла мне навстречу, и с ней радостно, сбивая друг друга, спешило семейство дворовых собак.

Я всегда скучала по встречам с ней, но не радовали и огорчали минуты, проведенные в компании ее супруга. Мне не доставляло удовольствия наблюдать за хамским его поведе-

нием, видеть, как он издевается над ней, ежеминутно требуя принести ему то одно, то другое, сопровождая все громкими репликами и часто нецензурной бранью. От его криков начинала болеть голова, как и вообще пропадала способность думать. С сестрой я виделась редко – происходящее действовало мне на нервы. Вечером я решила уехать.

Утром подъехало такси. Едва успевая позавтракать, мы с сестрой вышли к золотистой «ауди» – цвет ее был сродни моему настроению. После встреч с сестрой я всегда чувствовала в себе уверенность и прилив сил: наша недолгая прогулка по городским улицам и беседа на детской площадке у почты составляли те мелочи, которые были для меня важнее многих встреч. Наблюдая за племянником и говоря на житейские темы, я испытывала большое удовольствие и радость. Отношения с сестрой не меняли наши разлуки и размолвки, они всегда сохраняли свою ценность, являясь для меня точкой опоры.

Однако с мужчинами все складывалось иначе: новые отношения с ними напоминали яркий букет, который сначала поражал своими цветами и ароматами, но со временем терял свою привлекательность и становился сухим и ненужным.

Я смотрела на удаляющийся силуэт любимой фигуры, думая о том, как же она прекрасна, и уже отъехав на незначительное расстояние, вдруг вспомнила, что в суматохе забыла некоторые из вещей, за которыми мы и вернулись. Казалось, все складывалось так, чтобы вернуть меня обратно. Минуту за изгородью мы ждали, когда снова откроется калитка, и тогда же к дому подъехала вторая машина. По нелепому совпадению водитель такси искал дом с возрастающим номером, но сестра объяснила, что ее дом завершающий, дальше – тупик. Мы отъезжали, и одновременно машина другой компании покидала стоянку. Совпадения встречались все чаще, маскируясь под естественные, воплощаясь во все более простые, реальные сюжеты.

Мягко стучали колеса экспресса – я возвращалась обратно. Я смотрела в окно на бесконечную желтую степь, которая сливалась в одно пятно, напоминающее море с пробегающей зыбкой рябью. После моего отъезда я вернулась домой и не виделась с Денисом месяцев шесть – вернее, не хотела, откладывая встречи под очередным благовидным предлогом, хотя он все так же звонил.

Частые дожди были основным событием затянувшегося сырого сезона.

В начале

Приход новых солнечных дней приносил новые заботы. В начале, делах; в бизнесе не все шло гладко. Казалось, я с головой погрузилась в проблемы и, не думая ни о чем, кроме них, постепенно превращаясь в «хорошего парня» или этакую бизнес-вумен, не замечая, что улыбка надолго покинула мое теперь напряженное каждой мышцей лицо, скованность ощущалась во мне.

Трудно передать, как обрадовал меня приезд Татьяны. Ее появление, как пружинка в часовом механизме, привело в движение остановившееся время и заставило меня вновь поверить в себя.

Она приехала, как всегда, в начале лета. Поправилась, но особенная черта, так выделявшая Татьяну, – ее жизнерадостность – придавала ей особый шарм. Я не удивилась первому моменту нашей встречи, когда крупный незнакомец с легкостью закинул ее багаж, появившись в моей прихожей, расцеловал Татьяну и, надеясь на будущую их встречу, покинул нас.

– Ну, рассказывай, Ириска, как же вы тут живете? Я так соскучилась без вас!

Таня в этом сезоне стала блондинкой – вся такая беленькая и энергичная, она светила от счастья.

– Наконец я на море!

Мы решили отметить ее приезд и отправились на набережную. Толпы туристов, прибывших недавно, прогуливались вдоль набережной. Оказывается, в кафе уже нужно заказывать столики, но все же свободные места нам нашлись. Перед нами, за соседним столом, расположились трое мужчин. Наличие головного убора не подходило к позднему времени суток, солнцезащитные очки дополняли картину. Обратив свое внимание на них, самую солидную из них персону, Татьяна вскоре состроила ему немислимую рожицу. Неудивительно, что через небольшой интервал зазвучали мелодии из «Бандитского Петербурга» «для прекрасной блондинки». Еще небольшой интервал – и они уже были знакомыми.

Следующим вечером я с моей школьной подругой находилась рядом с Таней, но за другим столиком. Татьяна не любила Веронику за рациональность ее мышления и растущее в ней дозирование чувств. Вечер в компании с Вероникой Таня считала неудачным и потеряннным. Однако она и ее новыми знакомые не забывали уделять нам своеобразное внимание, одаривая вином и другими блюдами: уже заказанное нами приносилось службой повторно, с точностью выбранного нами ассортимента.

Как-то Татьяна рассказала мне в двух словах о ее новых приятелях – вернее, то, что услышала в отношении меня от одного из них, Ивана: «Пока они находятся здесь, у нее не будет шансов встречаться с другими». Ваня был чем-то вроде охраны Татьянинному приятелю. На вид выглядел моложе двоих, энергичный, с быстрой реакцией.

Вечерами, по ее рассказам, Татьяна пропадала с ними в кафе, а затем в районе снятого ими коттеджа близ набережной. Вскоре, в подтверждение сказанному, я стала замечать решительные действия, предпринятые Иваном, его внезапное появление между мной и назойливыми «искателями счастья».

Часто, находясь вблизи от нас, Ваня молниеносно приближался к кругу танцующих и, схватив железной хваткой одного из навязчивых моих партнеров по танцу, давал понять им и окружающим, что он не потерпит чрезмерно настойчивых или мешающих нам отдыхать. Я терялась в догадках, чем объясняется столь явное его покровительство. Было заметно, что стройная фигура и утонченные черты Вероники не привлекали его, – возможно, брюнетки не интересовали Ивана или не были в его вкусе. Но, кроме опеки, другого внимания Иван к нам не проявлял. Все это, со слов Вероники, объяснялось моей манкостью и харизмой.

Как-то в сумерках безлюдного парка среди пятен, отбрасываемых фонарями, неожиданно показалась чья-то фигура. Да, среди теней показался Иван, и мы с ним разговорились. Оставшись со мной один, без приятелей, он казался мне откровенным; в полночь на освещенном пространстве безлюдной аллеи, когда вышла луна и осветила все, его движения стали отчетливы, как и поворот стройного торса. Иван развернулся ко мне, все говорило в нем о редких и, возможно, не свойственных ему минутах открытости.

Звуки мелодий доносились снизу, напоминая нам, что его там ждут. Редкие минуты, мгновения, вырванные, чтобы проводить нас, – это все, что могло быть между нами: легкое прикосновение его руки и взгляд. Взгляд, выражающий боль загнанного зверя, как будто бы я прикоснулась к его оголенным нервам – своим редким и отрывистым движением невидимого смычка к натянутым до предела струнам, заставив исполнить их резкие и последние аккорды.

Речь его была странна и довольно проста: он сказал мне, что не питает иллюзий насчет того, что такая, как я – серьезная и деловая, потрясающая женщина, обратит внимание на него. Но последующее замечание особенно меня удивило. Его слова казались далеки от реальности.

– Я знаю, – сказал мне Ваня, – за тобой есть влиятельный человек, я не смею рассчитывать ни на что. Понимаю, восхищаюсь тобой, ты живешь, говоря моим языком, по понятиям. Общение с тобой, пусть недолгое, приятно и доставляет удовольствие.

– Интересно, кто он? Какой его возраст? Он моложе?

Единственное, что удалось узнать, крылось в немногословном ответе:

– Да, он моложе, может быть, и эта разница делает тебя еще привлекательней; возможно, ты выглядишь гораздо младше своих сверстниц.

Добавил он тогда к сказанному свое «может быть», и осознавая, что высказал лишнее, он остановился, прервав свой диалог, так же внезапно, как и начал. Затем Ваня ушел.

А я, постояв некоторое время в растерянности среди редких деревьев, отбрасывающих вдоль ступенек свои длинные прозрачные тени, напрасно пыталась осознать смысл им сказанного. Поднимаясь по слабо освещенным ступенькам этой пустынной ночной аллеи, все думала о странных словах Вани, пытаюсь разгадать новую и неожиданную головоломку.

На следующий день мы не видели Таниных приятелей, как и в последующие дня два – видимо, они внезапно сорвались с места.

В это же время на северном побережье объявили план «Перехват»: повсюду патрулировали дороги, перекрывая посты. Кем был Ваня и его знакомые, мы знали.

Все реже я бывала на пляже. Много времени требовала работа, отнимали его разъезды по самому длинному городу континента, что вытянулся вдоль восточного побережья на полторы сотни километров.

Работа с приезжающими группами туристов была в основе летнего периода. Времени для отдыха оставалось мало. Но я замечала, что в свободные минуты все же возвращаюсь к странному разговору с Ваней, задумываясь о нем и склоняясь к мысли, что услышала от него существующую местную легенду о моем воздыхателе. Я не находила реального подтверждения сказанному; не видя его присутствия, как и подтверждения событий, говорящих о существовании неизвестного мне покровителя, я не чувствовала себя связанной с кем-то, какими-либо обещаниями.

Обычных для данного периода года курортных романов у меня не было, если не принимать во внимание, что на работе у меня начинали складываться отношения с Валерой, который ждал меня в это утро. С Валерой мы встретились в пансионате, где он занимался вопросами прибывших туда спортсменов.

Среди ярко освещенного парка я увидела одинокую фигуру Валеры: он сидел на лавочке, и солнечные блики, пробивавшиеся сквозь листву, и тень от пушистой кроны делали его похожим на некий восковой персонаж. Еще несколько минут он продолжал сидеть, не замечая, что я уже здесь. Когда я приблизилась к нему, то заметила, что в руках он держит футляр.

Валера повернул голову и только теперь, увидев меня рядом, посмотрел на меня долгим взглядом, выражающим радость и, может быть, нечто большее, понятное в такую минуту только нам. Он встал и протянул мне увиденный раньше темный футляр.

– Это подарок вам, деловая прекрасная женщина.

Я растерялась, не ожидая такого признания. Держа в руке его подарок – «Паркер»³, я спросила Валеру:

– Можно мне вас поцеловать? – и добавила, словно оправдываясь: – В знак благодарности.

Валера улыбнулся.

Присев на лавочку рядом с ним, я поцеловала его. Мне не приходилось замечать раньше подобных перемен, обычно он держался отстраненно, сохраняя некоторую невидимую дистанцию с собеседниками. Но в данную минуту выражение лица Валеры изменилось: внутренний свет озарил его и теплый доверительный взгляд его стал открытым, который, имея свою притягательную силу, обаял меня сразу. Тогда же мне захотелось сделать и ему подарок – отплатить той же монетой; я пригласила Валеру покататься на лошадях.

Стоял жаркий день, когда мы с Таней заехали в пансионат за ним. Валера ждал нас у входа, пригласив с собой своего коллегу Альберта – тренера, крупного и плотного сложения мужчину лет тридцати, резко контрастирующего с ним своим загаром и формами тела. Валера был старше, с фигурой легкоатлета и, несмотря на летнее яркое солнце, был неестественно бледным. Мы направлялись на заброшенный аэродром, где у реки находились конюшни. Наездники из Дагестана выбрали каждому по лошадке, расспрашивая о желаемых требованиях, предъявляемых к лошадям.

Не знаю, о чем говорили с Татьяной, – ей предоставили крупного шоколадной масти коня.

Альберту – с подобным окрасом коня, но, как выяснилось впоследствии, лошадка оказалось с норовом.

Валера не выражал никаких пожеланий, и ему подвели белого в серое яблоко. Мне понравился гнедой – как я заметила, он отлично знал маршрут, но был своенравен: минутами он останавливался и жевал траву. Тогда мы отставали от конной группы, но Валерин конь возвращался к нам, и мы оказывались рядом с ним. Между мною и группой остальных наездников постоянно сохранялась дистанция; я не торопила животное, понимая, что к концу дня лошадь измотана. Поднявшись на верхнюю точку маршрута, коневод стал фотографировать нас с лошадьми. Уголек позволил мне погладить себя, ощущение единения с природой и животным захватило меня. На обратном спуске, самом крутом по маршруту, право спускаться первой досталось мне с гнедым Угольком, Валера не отставал от нас. В какой-то миг я уронила свои солнцезащитные очки – с легкостью Валера поднял их и вернул мне. Прогулка по лесным тропам расслабляла, он становился все ближе, заботы, занимавшие меня раньше, здесь, среди леса, казались неактуальными. Этот мир был другим, но реальным, он поглощал нас. В лесу, бредя по его тропам, я впервые подумала: «Нравлюсь ли я моему спутнику?» Я сомневалась. Первая встреча с ним произвела сильное впечатление, меня представление о мужчинах. Как и первый наш с ним деловой разговор, и который состоялся сейчас (надо заметить, что Валера приятно удивлял меня своим тактом). Как и каждая минута, проведенная с ним, прибавляла мне симпатии к нему, привязывая меня все сильнее. Я была восхищена его тонким умом с первых минут знакомства.

Уже смеркалось, когда мы тепло простились с четвероногими друзьями и коневодами.

В машине мы отправились дальше – на речку.

По горной узкой дороге мы подъехали к так называемой яме – речной заводи в лесу. Выйдя из машины, спустились к деревянному мостику и перешли небольшую речушку. Оста-

³ Ручка для письма с металлическим пером или из драгметалла.

новившись на небольшом пространстве поляны вдоль речки, мы разделись, оставшись только в купальниках. После знойного дня стало свежо, вечерняя прохлада была упоительна, захотелось искупаться. Оставив припасы на маленьком импровизированном столике из камней, я направилась к речной яме, Таня последовала за мной. Неторопливо и шумно зайдя в прохладные воды, мы купались, радуясь освежающему удовольствию, сообщая громкими возгласами о своих ощущениях, искушая тех, кто остался на берегу. Альберт занимался приготовлением шашлыка. Валера остался у воды и смотрел на нас, но так и не разделся.

Стемнело, когда шашлык уже был готов. Мы наслаждались его вкусом, сидя с мужчинами у стола, и слушали их рассказы о Воркуте и соревнованиях хоккеистов. Я устала от постоянного напряжения; после нескольких кусочков шашлыка и насыщенного виноградом вина мне захотелось уйти от всех этих разговоров, может быть, просто развлечься. Неожиданно я предложила:

– Давайте поиграем в кис-кис-мяу!

К моему удивлению, все согласились.

Правда, в лесу прятаться было сложно, но, несмотря на трудности, мы резвились как котята, заменив прятки поцелуем по жребию.

– Почему я как какая-то колбаса, со мной все целуются?..

Да, это было правдой. Тем не менее было очень хорошо, как бывает в кругу веселой компании. Стало быстро темнеть. Водитель с противоположного берега подавал сигналы, мигая фарами. Мне очень не хотелось возвращаться.

Внезапно заушала сова. Ее крики напомнили Тане о смерти матери; «Тогда все так же ухали совы», – произнесла она, и лицо в эту минуту, освещенное светом от подаваемого сигнала, исказила болезненная гримаса. Оно показалось мне чужим, таким непохожим, это было выражение ужаса и страха. Казалось, только одной мне удалось заметить наступившие в ней перемены.

Ребята пытались шутить и перевести разговоры на темы: опасно ли спать в лесу, бояться ли рыси и шакалов. Но мне становилось как-то неуютно. Казалось, ее слова предрекали, как будто кто-то воспользовался ею, ее губами, предостерегая об опасности, поджидающей нас, если бы нам пришлось остаться на ночевку в лесу. Становилось темно, солнце быстро садилось, отрывистые крики птиц повторялись, напоминая, что нам сейчас предоставлен единственный шанс, чтобы отсюда убраться. «Действительно, – подумала я, – если мы не поспешим и не уйдем сию же секунду, то и аккумулятор машины сядет, погребая нас до наступления рассвета в этой жуткой темноте среди леса с его снующими среди кустов змеями, сыростью и завывающими протяжными звуками шакалов». Мы засобирались обратно. Аккумулятор в машине действительно начинал садиться, о чем напоминал нам водитель, выкрикивая со стороны горной дороги; время нас подгоняло.

В полутьме, практически на ощупь, мы быстро перешли мосток, словно нечистая сила, ожившая из неприятных Татьянинных воспоминаний, выгоняла нас из леса, ухая и издавая протяжные завывания.

К удивлению, гости не спешили возвращаться обратно. Мне показалось, что происходящее непонятным образом оказало сильное впечатление и на Валеру: выражение лица его стало иным, как будто бы тайна скрывалась в неподвижном и скованном в эту минуту лице, но несколькими минутами позже оно стало прежним. Мы выехали из леса на автомобильную трассу, и я подумала, что вот и подошел к концу наш уик-энд, когда Валера повернулся назад и спросил:

– Ирис, мне бы хотелось продолжить этот вечер. У нас не всегда выпадает такая возможность – находиться вне отеля, и сегодня такой день, когда мы можем не спешить возвращаться обратно.

Я не ожидала услышать от него подобной просьбы. Только теперь мне стала понятны причины перемен в его поведении (тогда я не понимала всего, что откроется мне позднее) – и я предложила первое, что пришло мне в голову: провести остаток вечера в ресторане недалеко от своего дома. Когда мы подъехали к нему, так все и произошло; Валера и Альберт остались у дома, ожидая нас.

Мы с подругой зашли переодеться. Увидев меня выходящей из подъезда моего дома, Валера заулыбался – в мини перед ним я предстала впервые.

– А я хочу выпить за красоту и любовь и за этот прекрасный вечер, – этим вечером на берегу моря мы с Валерой, находясь в кругу друзей, подняли наши бокалы. Его следующая фраза удивила меня: еще несколько минут назад ничто не говорило мне о продолжении нашего с Валерой знакомства.

– Ирис, я не могу объяснить словами... Я хочу тебя видеть, имею я право спрашивать об этом? – он продолжал, его взгляд выражал сомнение в моем утвердительном ответе, передавая всю разнообразную гамму его чувств: – Я приеду к вам?

Я кивнула в ответ. Мы условились в десять вечера встретиться на набережной, а пока продолжали наслаждаться вечером у моря.

В ресторане мы встречали рассвет; свет неоновых ламп уже померк, и розовый оттенок восходящего утра окрасил расплывчатые очертания гор прибрежной полосы.

Все казалось таким далеким, уплывающим от нас. Мелодии ночного кафе не смолкали, Валера заказывал их, не переставая обращаться к музыканту, сидящему в углу небольшой сцены, сегодня работающему за двойной тариф. Красота пейзажа вдохновляла, легкий ветерок путал мои волосы и мысли. «Мир прекрасен! На все благодарно взирай! Нам для жизни господь подарил этот рай!» – сказал когда-то восточный поэт Омар Хайям. Я была счастлива, и Валера был рядом. Как я хочу вернуться назад – вернуться, чтобы никогда не возвращаться. Мне хотелось бы, чтобы это время было и сейчас, но время быстротечно...

В назначенный час я и Татьяна ждали Валеру за столиком на нашей набережной в том же ресторане, где мы встречались накануне, но сейчас он задерживался.

Альберт приехал раньше и находился сейчас с нами.

Под звуки быстрых мелодий мы танцевали – казалось, вначале у Альберта с Татьяной было хорошее настроение. Но поведение подруги испортило впечатление о ней. Альберту было непривычно наблюдать за тем, что ее приглашали другие мужчины, знакомые с ней до него.

– Почему ты ведешь себя так, словно я здесь пустое место?

Он схватил ее за плечо и развернул лицом к себе, она посмотрела на него удивленно: только что она заигрывала с мужчиной, сидящим неподалеку.

– Убери свои руки, ты ведешь себя как мужлан.

– Что ты сказала, кто ты такая?

Но вот Валера пришел, и, увидев его среди вечерней публики, я окликнула Валеру. И улыбка осветила наши лица – как хорошо же было в эти минуты!..

Это было наше первое свидание. Желтое платье красиво обнажало мои плечи, казалось, нарочно не слушая своей хозяйки, и, повинувшись взгляду моего собеседника, оно сползло вниз. Мы медленно скользили в танце.

– Какие безобразные мужчины окружают вас. Их формы давно расплылись.

Я посмотрела по сторонам, только сейчас, после его замечания, обратив внимание на окружающих мужчин, или сегодня не видела перед собой других.

– Только ты, радость моя, ты в такой поре – тебе подходит любой возраст.

– М-м-м-м...

– Вы только посмотрите на Татьяну, – прервал нас возмущенный Альберт. – Что она себе позволяет.

– Не понял, ты что? Кто тебе позволяет повышать на нее голос?

Темпераментный характер Альберта проявлялся все ярче.

– А что ей надо? Она танцует с другими мужчинами, когда я сижу здесь.

– Ирис, и давно это с Альбертом происходит? Он ей хамил?

– Мне очень неловко на это смотреть и слышать... Кем он себя вообразил? Хорошо, что ты успел подойти, так как у меня не было полной уверенности, что я смогу тебя дождаться.

– К чертовой матери, Альберт, убирайся! У меня есть принцип, который тебе известен. Чтобы больше тебя не видел, завтра ты купишь себе обратный билет.

– Конечно, это из-за нее?!

– Она женщина, и женщине позволено все.

Альберт быстро поднялся, и больше мы его не видели.

Я всегда мечтала о таком мужчине, о джентльмене не на словах, а в поступках, понимая, что последствия отъезда Альберта не останутся незамеченными, скорее воспримутся как самоуправство. Валера открывался мне с другой стороны: раньше я видела его как человека с непреодолимой дистанцией в общении, теперь она неумолимо сокращалась. Я ощущала его особое обаяние и безграничное внимание ко мне. Все во мне было важным для Валеры: мой взгляд, мое настроение и минутные перемены его. Часто я смотрела на него и замечала, как ему хочется меня развлечь и как искусно это у него получалось.

Он рассказывал мне о Кубе, играх, которыми развлекали туристов в отелях. Валера любил праздники, и ему нравилось их устраивать. С ним было легко. Вечерами мы гуляли по набережной, посещая различные рестораны, пробуя разные деликатесы, и он кормил меня ими, как ребенка. У моря при свете ночных огней мы пили белый martini, затем уходили в наш «домик», называя так наш номер в маленькой гостинице, в которую переехали, чтобы остаться вдвоем. Мне нравился ее «французский» уютный внутренний дворик. Мы возвращались, пили вино на темной террасе гостиницы и наблюдали за постояльцами, что напротив.

Попытки женщин понравиться ему были неудачны. Однажды, когда я плавала в бассейне, они пытались с ним познакомиться. Валера находился в баре напротив, он ждал меня.

Валера называл меня женой, его взгляд сопровождал меня везде. Его отношение и поведение со мной складывалось таким образом, что я ощущала себя его женщиной. Он не отпускал меня от себя ни днем, ни ночью. Я была все время с ним, и только одну фразу я слышала от Валеры.

– Я хочу, чтобы ты была рядом.

Невозможно описать словами, как хорошо и просто было нам, когда вечерами мы сидели на нашем балкончике. Он любил садиться рядом со мной и кормить меня, как ребенка, из рук виноградом, подавать мне бокал с вином. Часы пролетали как мгновенья, мы любили друг друга. Но его прикосновения я не могу забыть и сейчас – они были нежные, как и ласки, подаренные мне с любовью. Поцелуи длились часами, беря свое начало от губ и заканчиваясь у кончиков ног и тонких их щиколоток. Часы невыносимых томлений дня сменялись временем ночных наслаждений.

Утром я проснулась от света; когда встала, чтобы опустить жалюзи, проснулся Валера. Мы вышли на балкон. Здесь в эти первые минуты нашего утра я услышала неожиданное признание:

– Ирис, я втюхался в тебя, словно мальчишка, с первого дня. Я влюбился в тебя сразу, как только увидел. Я мог ждать тебя часами, ты даже об этом не догадывалась. Томясь, желая увидеть твои немного пухлые ножки с тонкими щиколотками, желая когда-нибудь коснуться выразительных губ, постоянно испытывая растущее эротическое возбуждение...

Он пристально, словно испытывая, посмотрел на меня и в несвойственной ему манере произнес следующую фразу – достаточно жестко, так, словно перед ним была не я:

– Но то, что я скажу, тебе не понравится.

Я почувствовала, как неприятный холодок пробежал по моему телу, хотя солнце становилось все жарче, раскаляя нагретую террасу все сильнее.

– Говори, я хочу знать! – потребовала я. Нетерпение мое росло, мучая воображение и сменяя радостное настроение после его признания на уродливые неприятные мысли и разочарование.

– Нет, ты узнаешь об этом завтра.

Словно зловещая тень пробежала между нами. Весь день я мучилась в догадках, что же он хочет сказать.

Выйдя из номера гостиной, когда полуденное солнце еще нещадно палило, мы направлялись в сторону моря и, решив сократить путь, стали переходить железнодорожное полотно. Тогда же Валера и достал небольшой брелок с видом его северного города, придерживая меня одной рукой, когда я все еще стояла на тонком рельсе, пытаясь сохранять равновесие и продолжать нашу прогулку по шпалам.

– Ирис, – сказал он. Затем, выдержав небольшую паузу, продолжал: – Скоро я уезжаю, но хотел бы, чтобы на память у тебя осталось вот это. Ты будешь меня вспоминать?

– Так ты мне это и хотел сказать утром?

– Нет.

Неожиданно я сказала ему, что не хотела бы получать сувениры, и если бы он приехал снова, это было бы для меня гораздо приятней.

– Сделай так, чтобы я не смогла забывать тебя. Тебе не понравилось?

– Напротив.

Больше он мне ничего не сказал, но если бы я тогда могла знать то, что откроется завтра...

Вечером мы много гуляли, посещая все новые места на набережной, разные рестораны с разной кухней, – сегодня это были какие-то «Багамские беседки». Но ничто не отвлекало меня от мучительной загадки и недосказанного. Я очень устала, но по возвращении к себе – в нашу гостиницу Валера остановился, покрывшись холодным мокрым потом, казалось, что в эти минуты он задыхался. Я собиралась вызвать скорую помощь, но он попросил не делать этого. Я думала, что Валера страдает от приступа астмы.

Мы вернулись в наш номер, затем вечером Валера меня попросил:

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной в отель.

– Зачем? Там будут все наши на заключительном вечере закрытия.

– Я хочу, чтобы ты была со мной.

– Я не понимаю, зачем там быть мне, что может там без меня случиться?

– Вот поэтому и говорю, что, пока ты рядом, со мной ничего не случится.

Я продолжала упираться, тем более что настроение у меня было испорчено с утра.

– Ну хочешь, закрой меня в комнате, если не доверяешь.

– Хорошо, я скоро приеду.

Видно было, что перспектива провести остаток вечера без меня его очень расстроила. Он, прежде терпеливый и доброжелательный, заметно изменился. Валера стал нервным и закрытым, мы помолчали некоторое время, но, понимая, что я не собираюсь покидать комнаты, он ушел один.

Я вышла на балкон, испытывая растущее разочарование, совсем не понимая, что происходит, стояла и смотрела на дворик напротив, на темную террасу противоположной гостиницы.

Как, оказалось, сегодня выясняли отношения не одни мы:

– Где моя бутылка пива?! – басил из номера гостиницы, что напротив, мужчина, появившись на террасе возле женщины, отдыхающей на шезлонге; вернувшись в глубину номера, он повторил свой вопрос. Но вместо ответа женщина подняла руку, поведя ею в сторону, отмахнувшись от него, словно от одной из многочисленных ос, являющихся на запахи сладкого.

– У-у-у-у-х... ухожу, достало все! – раздосадованный, он скрылся за шторами – наверное, ушел.

Каково же было мое удивление, когда через несколько минут дама, по-прежнему сидящая на террасе, достала откуда-то из-под шезлонга бутылку, скорее всего ту самую, с пивом, и, открыв небольшую книжечку, приятно устроилась, читая и допивая пиво.

Усмехнувшись, я перевела взгляд в сторону и, совершенно того не ожидая, увидела силуэт человека, сидящего в глубине слабоосвещенного дворика отеля, – мне он показался чем-то знакомым. Казалось, он смотрел на меня и долго не покидал своего кресла, пока мне не надоело вглядываться в полумрак; захотелось спать, и я вернулась в прохладную комнату.

Когда я открыла глаза, была ночь, Валера уже вернулся и не улыбнулся мне.

– Наверно, ты сердишься?

– Нет, но хотел, чтобы ты была со мной.

Он рассказал, что когда приехал в гостиницу один, то удивил администратора. Тот спросил его:

– Вы? Вы гуляли один? А ваша жена?

– Она спит.

Здесь, в гостинице, все было на виду, все знали Валерино отношение ко мне. И сегодня Валера обиделся на меня, как обижаются дети.

– Мне нужно будет ночью поехать в отель, – продолжал он.

Я согласилась на этот раз сопроводить его, что его обрадовало, и, успокоившись, он забылся глубоким сном. Я посмотрела на него, грустные сомнения отступили, я видела, что его отношение ко мне оставалось таким же трепетным и волнующим, и я, последовав его примеру, уснула. Мы заснули, так и не проснувшись, проспали до позднего утра.

Солнце вставало, становилось все жарче, когда мы снова сидели на балконе и беззаботно болтали. Но что-то изнутри меня точило, не давая мне покоя, пока я не вернулась к вчерашнему разговору.

– Скажи, ты хотел мне вчера сказать, что больше не приедешь? Я и так ни на что не надеюсь...

– Нет.

– Ты считаешь меня ветреной женщиной?

– Как ты такое о себе могла подумать?

Я продолжала допытываться:

– Ну что, в конце концов, у тебя... СПИД, рак? – сказала я, совершенно не отдавая себе отчета о том, что говорю.

– Вот именно то, что ты сейчас и сказала... Рак, – Валера как-то отстранился, я же стала безудержно смеяться.

Это был шок. После сказанного он скрылся в глубине комнаты. Я осталась одна, продолжая нервно смеяться. Мне показалось, что боги смеются вместе со мной надо мной же. Теперь, когда я встретила его – человека, о котором столько мечтала, судьба зло посмеялась надо мной.

– Ирис, я не хотел ничего говорить, не люблю, когда меня жалеют.

Валера вернулся из глубины комнаты и, стоя рядом со мной сейчас, пытался что-то объяснить мне, видя, как сильно подействовало его откровение на меня. Я ощущала себя в какой-то прострации: всегда, когда подобное происходит с кем-то другим, все выглядит более естественно. Но впервые я испытывала такое. Когда, казалось бы, невозможное, происходящее всегда с другими, сегодня касается непосредственно тебя. Мне звонили в продолжение утра, все самые срочные встречи я перенесла на вторую половину дня, Валера тоже остался; обед нам принесли в номер.

За бокалом вина мы разговаривали, продолжая вечные темы: о жизни и смерти, о профессиях, таких как летчик-испытатель, наконец, просто о людях экстремальных профессий,

живущих и не знающих о последнем дне. Мне хотелось отвлечь Валеру от грустной реальности, я предпринимала нелепые попытки его успокоить.

Но до сих пор я ругаю себя за то, что поехала по своим делам в этот день. Какое, по сути, значение имеет ежедневная суэта в погоне за дополнительной прибылью по отношению к тем минутам счастья, которые мы у себя отбираем?.. Если бы я могла только знать – знать, что больше его не увижу...

В полдень подъехала машина, на работе меня ждали. Мы сели в машину и заехали в отель к Валере; я осталась в номере, Валера ненадолго отлучился, решая вопросы, связанные с отъездом. Но я не смогла дождаться его – мои клиенты звонили мне и просили о встрече. Почему я не сумела отказать партнерам, расставив приоритеты? Я отлучилась, передав его сынишке, что скоро подъеду на вокзал. Только вот совсем чуть-чуть не успела.

После короткой беседы с клиентами я, не дожидаясь своего водителя, поймав попутную машину, торопилась к вокзалу. Каким-то странным показался вопрос подвозившего меня незнакомца:

– Вы доктор?

– Нет. Почему вы меня спросили об этом, разве я сижу в халате?

Он не ответил и перевел тему. И уже подъезжая к вокзалу, зная, что я опаздываю, старался замедлить скорость, старался задержать меня на доли секунды – этой задержки хватило, чтобы я опоздала. Я выбежала на перрон, но поезд уже набирал ход. Не знаю, видел ли меня Валера... Женщину, которую он любил на стороне.

Не знаю, что могло бы произойти, если бы Валера был здесь со мной в последние исчезающие минуты, кем был незнакомец и зачем он задержал меня на пути к поезду. Я опоздала, хотя, может быть, так лучше.

Возможно, в тот день я показалась ему бесчувственной, но всему виной были странные обстоятельства и возникающие из ниоткуда постоянные помехи, преследующие нас. Женщина, которая вдруг появляется в закрытом для посторонних лиц пансионе, демонстративно пристающая к чужому мужчине, или его слова: «Когда ты рядом, со мной ничего не случится». И последнее – возникший на трассе автомобиль; зачем он задержал меня к поезду? Вмешательства в мою личную жизнь, что повторялись две недели, внезапно закончились с отъездом Валеры.

В последующие дни я приезжала домой и совсем не понимала, зачем я здесь.

Осенью Валера мне позвонил, сказал, что все у него хорошо, ревниво выспрашивал и не верил, что я одна. Он звонил из Москвы, сказав, что неделю не мог со мной связаться. И не удивительно: я никого не ждала и не всегда отвечала на звонки, ни на что не надеялась. Вернее, я ждала его раньше, в августе, как он мне обещал.

В назначенный день я сидела во дворике «нашего дома» и ждала его после полудня, находясь в кафе у бассейна отеля и вспоминая, как Валера так и не стал плавать в нем, стесняясь своих неровных ног и считая, что не может раздеться рядом с моим совершенством. Я ждала его там до позднего вечера, и только после заката, когда с деревьев уже сползли их призрачные тени, растворившись в полной темноте, и оставаться здесь дольше не имело смысла, я покинула дворик отеля. Совсем стемнело, когда я добралась до дома. Начинался дождь, погода портилась. Внезапно разыгралась гроза, налетел порывистый ветер, и дождь застучал крупными каплями, затем повторялась его барабанная дробь, стихая и возобновляясь, растекаясь по стеклам.

Над морем сверкали молнии, море становилось черным, и на горизонте поднимался смерч.

Мрачные события уходящего лета все сильнее сгущали унылые краски последующих дней. Перед нами разворачивалась темная криминальная картина, не свойственная нашим

тихим местам. Происходящее под покровом ночи не находило ответа. Беспредел докатился и до нашей набережной в дни сумбурно уходящего лета.

Как обычно, под вечер Татьяна предложила немного пройтись. Мы расположились на небольшом возвышении у барной стойки, наслаждаясь вкусом белого вина; наступало обычное для этого времени оживление, когда завязалась драка за дальними столиками. Все напоминало заурядный скандал между подвыпившими посетителями. Но начальные небольшие разногласия обернулись избиением группой приезжих парней одного, который впоследствии был найден забитым насмерть камнями у моря. Свидетели происходящего не доживали до суда, мертвые продолжали молчать, унося с собой свои страшные тайны. Все чаще на набережной появлялись незнакомцы с серым оттенком лица, сохраняющие свое страшное безразличие к происходящему. Постепенно все стало затихать, но неприятный осадок оставался, заставляя вести себя более настороженно.

В один из вечеров, когда я, задержавшись дома, пришла на дискотеку, я увидела Татьяну в кругу танцующих молодых незнакомцев. Жестами я вернула ее к нам за столик. Может быть, поэтому я обратила внимание на непривычное поведение незнакомцев, играющих в шахматы в увеселительном заведении, на голове которых, как у Таниных друзей, уехавших в начале лета, были кепки с козырьками, закрывающие тенью их лица.

– Тебе не кажется, что они имеют общих с тобой знакомых? Веди себя сдержанней – насколько мне известно, мужчины ревнивы, особенно когда им дают обещания.

Я пыталась ее предостеречь, чувствуя предстоящую беду. Но разве в таких случаях вас слушают? Обычно нет, как было и сейчас. Татьяну несло, словно прекрасную ночную бабочку на пламя пылающего костра. Она верила в свою исключительную безнаказанность, считая, что ее положению не может ничего угрожать.

Пытаясь понять, кто эти ее знакомые, я так ничего и не добилась. Она только произнесла одну фразу: «Он такой симпатичный мальчик», – жестом отмахнувшись от возможных вопросов своего приятеля, работающего в Питере врачом, как от назойливой мухи. Остальное ее не беспокоило, как и реакция, вызванная ее поведением; через минуту она поругалась с ним и стала возвращаться в круг танцующих.

– Приятного вечера, – на ходу обронил обиженный ею, – если не передумаешь, заходи, – пригласил он Таню, удаляясь.

Я удивилась, когда Таня пообещала ему зайти в ответ на его последнюю реплику. И действительно, через некоторое время она последовала за ним – так мне показалось, судя по направлению, куда она пошла в конце вечера. Зная о ее предпочтении мужчин более юного возраста, с которым она танцевала, меня озадачила смена ее решения. Поведение выглядело не в стиле Татьяны; мне казалось, что я знала ее, но сейчас показалось, что я ошиблась в своих оценках.

После непродолжительного дождя вечер показался мне сырым, и, не задерживаясь долго в ее компании, я попрощалась с ней.

На следующий день, погода вновь улыбалась, когда я спускалась к морю. Мне хотелось полежать на теплой гальке после небольшого заплыва. Море манило по-осеннему нежно. Конечно, я не ожидала, что мои планы изменятся, когда ко мне подошел работник кафе.

– Ирис, заберите Татьяну с пляжа, – попросил он меня и продолжил: – Она сидит там никакая и говорит бессвязные непонятные фразы наподобие того, что ей никто не нужен.

Он подвел меня к центральному столику, где я и увидела Татьяну: она сидела с отрешенным видом. Одета так, словно перепутала время суток, одетая по-вечернему, она нелепо смотрелась среди яркого полуденного солнца и компании окружающих ее здесь людей, на которых только плавки и купальники.

Сникшая ее головка лежала на столе, и мне казалось, что силы покидали ее. Я не стала терять времени на расспросы о происходящем, стараясь скорее увести ее.

- Что же ты делаешь здесь? Танечка, пойдем домой.
- Она посмотрела на меня и вполне разумно ответила:
- Ты пришла за мной, Ирис?
- Да, дорогая.
- Спасибо.
- Я все понимаю.

Поднимаясь по ступенькам, я посмотрела на нее: взгляд ее казался застывшим и пустым. Ничком упавши на кровать, она сказала, что поспит, затем, позднее, мы и поговорим.

Я покинула ее и уехала по делам своей фирмы. Вернувшись, я увидела, что Татьяна уже встала. Мы собирались провести вечер в другом районе, я ждала ее дома, как попросила меня подруга. Пообещав скоро вернуться, она сказала мне, что зайдет к своему знакомому из Питера – поищет там часы (вчера ночью у Тани пропал золотой браслет с часами), затем мы поедем прогуляться.

На набережную я не спускалась, так как ждала ее дома, но Таня на звонок телефона не отвечала – он то был недоступен, то вне зоны действия. Она пришла только утром и обратилась ко мне, попросив выпить с ней вина, – ей хотелось немного успокоиться, чтобы начать свой рассказ о происшедшем.

Она повествовала:

«Вчера вечером, когда я спускалась на набережную, ко мне подошел мой новый знакомый, с которым я танцевала.

– Таня, – попросил он меня, – поедем в другой бар, ты знаешь, там гораздо лучше. Обратно я тебя привезу, не волнуйся.

С ним я отошла в сторону, где он показал машину, стоящую рядом. Но только я подошла к машине, заметила несколько сидящих там мужчин. Не желая совершать поездку в такой компании, я ретировалась назад и стала отходить от машины, но незнакомцы выбежали из нее, быстро догнав меня. Воспользовавшись ситуацией, несколько человек меня запихнули в салон. Понимаешь – засунуть в машину на глазах у многих присутствующих в это время людей! У входа на пляж стоял внедорожник, один из ребят надавил мне на затылок, скрутив мои руки сзади, с помощью остальных ребят меня запихнули! Я кричала, когда они закрывали двери машины! Один из тех, что был в кругу танцующих накануне, сидел за рулем, и видно, что двигатель они намеренно не заглушали, потому что сразу тронулись в путь.

После первых их фраз мне стали ясны их цели. Улучив момент, я попыталась сбежать, но мужчины догоняли меня. Мимо проезжал грузовик – я стремительно побежала, бросаясь ему под колеса. Но водитель машины только прибавил скорость, объехав меня, оставив на произвол судьбы. Меня поймали, их цепкие руки впивались в тело. Стремительно повалив на песок, они стали срывать с меня одежду и бить по лицу. Все происходило в устье реки – вчерашний приятель и его друзья с жестокостью надо мной надругались. Теряя сознание, я умоляла не изуродовать мне лицо, из последних сил я кричала:

– Послушайте, у вас тоже есть близкие женщины, и они не простили бы вас, если бы узнали об этом!

К счастью, один из них, что был старше и немногим мудрее, воспринял мои мольбы... В течение нескольких часов они надо мной издевались, пока он находился «на стреме» там, у реки.

Жестикулируя, он приказал им отстать от меня, бросив в овраг...»

Когда стало светать, Таня очнулась и дошла до трассы, откуда ее подвезла попутная машина. Я сидела напротив подруги, слушала Таню и плакала вместе с ней, понимая, что она многое не договаривает, скрывает от меня, опасаясь чего-то.

А затем она стала вести себя особенно странно: то как-то сникнет, то безудержно веселится. Что же ее так пугает? Почему она игнорирует мою помощь и наотрез отказывается идти в полицию, желая лишь одного – быстрее уехать в свой город?

Теперь я смотрела на Таню, сочувствуя ей. Она вновь твердила свое:

– Я хочу уехать – любыми путями, как можно скорее.

Стараясь щадить Татьяну, я не стала больше расспрашивать ее о ночном происшествии.

Теперь по Таниной просьбе мы вечерам бывали на набережной другого района. Кто не желает ее присутствия здесь? Это оставалось для меня загадкой. Теперь у Татьяны было одно желание – забыться; я перестала ее заставлять дома днем, она старалась бывать среди толпы, возвращалась, буквально изнемогая, падала на кровать, чтобы немедленно заснуть и утром начать все заново. И все-таки Таня еще не хотела покидать юг, который так обожала.

Неожиданно ей позвонил любовник из Санкт-Петербурга:

– Танечка, возвращайся, я так по тебе скучаю, – не теряя надежды, он продолжал ее уговаривать: – Перестань на меня сердиться, я прошу тебя по-хорошему.

– Да ну? А что дальше?

Я не слушала их, но из диалога поняла, что сейчас Таня в действительности не желала и не спешила туда возвращаться.

Однако следующий вечер изменил ее планы. Мы были в небольшом уютном ресторанчике на набережной, и она кокетничала со своим питерским приятелем, когда неожиданно лицо ее приобрело вид гримасы – казалось, она увидела привидение. Она снова начала плакать. На все вопросы она отвечала несвязно и стала нести какую-то околесицу, заявив в итоге, что завтра она любыми путями должна уехать. Я пыталась ее уговорить подождать неделю, когда, наконец, в кассах появятся билеты обратного направления; в конце августа самый пик отъездов, начинается учебный год, и билетов на ближайшие сутки нет. Но на следующий день, по всей видимости, каким-то образом ей удалось уехать. Билета на поезд у нее не имелось, но Татьяна, заверив меня, что ждет встречи с попутчиком, который, по ее словам, едет в Питер и устроит ей место в поезде, рассталась со мной на перроне.

Вечером она не появилась, и, решив, что поездка ее удалась, я спустилась в район набережной, направляясь в кафе. Все выглядело как обычно, но там за столиком я вновь увидела ее приятеля, который общался с ней накануне событий. Беседуя с ним, я попыталась выяснить правду. Из разговора я поняла, что в тот вечер, когда Таня потеряла часы, она не заходила к нему. Я помнила мой недавний с ней разговор до злосчастного вечера и думала: «Зачем на следующий день она просила меня быть дома и ждать ее прихода, когда она поищет свои часы у знакомого? Затем она должна была вернуться ко мне в тот вечер, когда я ее не дождалась. Почему же она задумала обмануть меня, чтобы уйти на набережную одной в день ее похищения? Что она скрывала? Или кого я не должна была видеть? Почему же ее присутствие здесь стало нежелательно?»

Она говорила, что боится, что ее найдут и в Петербурге, сказав, что все из-за меня. Выходило, что я причина ее отъезда и по моей вине Татьяне пришлось покинуть юг. Я подумала: «Кто-то недоволен нашей дружбой?» Наскоро уехав, Таня мне больше не звонила, я не получила ответа на свои письма к ней. Я помню ее последние тревожные слова на вокзале о том, что она хочет свести счеты с жизнью: «Приеду в Питер и повешусь – я устала, я не могу больше жить». Меня пугало, беспокоило ее состояние, когда я пыталась разобраться в причине сказанного ей тогда.

Все мои попытки докопаться до истины подтверждали мои вполне обоснованные сомнения, вызванные ставшими в последнее время неадекватными Таниными поступками. Все сводилось лишь к одному, что Таня употребляла наркотические средства, вероятней всего таблетки. И поскольку приятель ее был врачом, то после ее отъезда в нашей беседе с ним о Татьяне он мне объяснил, чем, скорее всего, вызвано ее странное выражение глаз и такое же поведение,

смена ее настроений. В начале Таниного приезда меня удивляла ее работоспособность, а затем ее бесстрашие и фразы, что ничего с ней никогда не случится, постоянно какое-то стремление любым способом заработать как можно больше. Получается, она работала на износ, понимая, что для очередной дозы ей необходимо иметь деньги.

Я терялась в догадках, и единственное, что припоминалось, – это последний вечер с Альбертом, когда она увидела каких-то знакомых и вскользь упомянула о какой-то передаче для нее от приятелей в кепке. Но тогда я не обратила внимания на то, что не видела, чтобы ей вечером действительно что-то передавали. Хотя я недавно предупреждала ее, говоря, что ей нужно вести себя осторожней, намекая на ревность того человека, которого охранял Ваня, я не догадывалась тогда, что за всем этим стоит не ревность, а другое. Может быть, и правда неведомый мне человек настаивал на отъезде Татьяны, но, вероятно, она оказалась причастной к делам Ваниного босса.

В лабиринтах

После отъезда Татьяны наступило время, когда я общалась в основном с Вероникой. Длинные монологи на ее кухне и потерянное время осенними вечерами наводили на меня еще большую тоску. Я всегда откровенна с близкими мне подругами, но, общаясь с Вероникой, я интуитивно понимала, что не услышу от нее ничего нового: она жила в своем мирке, оставаясь желанием в прошлом с его запросами и претензиями, так и не спеша их реализовать.

Очередной осенний вечер подходил к завершению, вечерний воздух становился прохладней, и чаще лил дождь. В такие дни часто нападает хандра.

Веронике захотелось вновь поскандальить с бывшим мужем, и мы отправились на вечернюю прогулку – встряхнуться, а заодно побывать в баре, где он работал.

– Не узнаю тебя, Ирис, кажется, ты совсем не похожа на себя. Ну, сходим, что ли, в кафе?

– Не знаю.

Все пошло своим чередом; мы вошли в ночной бар – здесь еще пустовал один столик, мы и заняли его.

– Кажется, одну из вас зовут Ирис?

– Ну да, – ответила я, переведя недоумевающий взгляд на стоящего у нашего столика официанта.

А он, словно оправдываясь, произнес:

– Мужчина за дальним столиком, третьим справа, просил у вас, Ирис, разрешения передать вам мартини и розы.

– Кажется, вечер начинает удивлять... Скажите ему, что, если он так сильно хочет, пусть передает, только без обязательств.

– Благодарю, я передам.

Он вернулся к столику, откуда нам передали напитки, и, повернувшись к незнакомцу лицом, видимо, сообщил ему о моей просьбе.

Через мгновение мы увидели знакомую фигуру нашего официанта у эстрадной площадки, затем музыка прервалась и ритмы, напоминающие мне своими звуками вечер в саванне, заполнили все.

Мы с Вероникой покинули наш столик, слившись в одном каком-то бешеном порыве с группой танцующих, стремительно извивающихся в непонятном и страстном танце, где нет определенных правил, кроме одного – желания.

На обратном пути к нашему столику дорогу мне невольно перегородил наш поклонник – он остановил меня, чтобы пригласить на медленный танец.

Вероника вернулась к столику одна, тогда как я уже шла по ночной эстраде, сопровождаемая своим незнакомцем и медленной мелодией.

– Олег.

Я посмотрела на представившегося и улыбнулась:

– Вы кого-то напоминаете.

– Отгадайте.

– Известного актера, но этого не может быть!

– Вам не кажется странным? Человек умер, а двойник его танцует рядом с вами.

– Да, вспомнила, «Пираты двадцатого века». Многие находят его образ привлекательным, считают секс-символом ушедшей эпохи.

– А вы?

– Я не хотела бы вас разочаровывать, но мне он представляется несколько другим. Может даже, на взгляд других, совсем не сексуальным, как казалось и мне когда-то в начале. Но, если вас немного утешит, голос ваш самый сексуальный, верите?

– Стараюсь понять, – произнес Олег, однако глаза его в эту минуту выражали противоположное состояние – совсем не обиду, а торжество и живой блеск.

Мелодия смолкла, и я разрешила своему новому знакомому переместиться за наш столик. Что-то в нем казалось мне таким знакомым... «Скорее его манеры», – так думала я, объясняя себе свое неожиданное расположение к малознакомому мужчине, вид которого скорее был импозантным; интригующий своим сдержанным и терпеливым поведением Олег расположил к себе. Внимательно смотря на меня, он достал из кармана своего легкого летнего костюма мундштук из темной кости с позолоченным верхом, затем, спросив разрешения, прикурил сигарету, вставленную в него, и задал свой провокационный вопрос странной интонацией: «А, как, вы не курите?» Как будто он был удивлен этой новостью... Дело в том, что раньше, вернее иногда, я курила, сейчас же стараюсь не делать этого, понимая, что ради времяпрепровождения не стоит этого делать. Тем более у меня нет такого сильного пристрастия к сигаретам. Он продолжал свой монолог, внимательно рассматривая мои руки и останавливая на мне свой долгий, выражающий его внутреннее состояние взгляд.

Вероника в эти минуты отсутствовала – она была приглашена на танец и последующий за ним быстрый; подруга находила для себя приятным оставаться с приглашающим ее кавалером там же – среди танцующих пар

Наш столик находился в некотором удалении от громко звучащей музыки, но все же шум заглушал нашу беседу.

– Ирис, разрешите, я подвину свой стул ближе?

Я не возражала. Олег встал и, взяв стул, слегка опустил руку – на ней я увидела массивный золотой браслет, прекрасно дополняющий весь его стиль. И в эту минуту я обратила свое внимание на кольцо на его руке (и на кисти рук, они были такими же небольшими и ухоженными): бриллиант переливался своими темными гранями, как когда-то я видела у другого знакомого мне Олега. «Почему же многое в моем новом знакомом так напоминает мне о прошлых встречах с другим человеком, и даже глаза?» – невольно я задавалась одним и тем же вопросом, в то время как мой собеседник продолжал мне рассказывать о влиянии сигарет на поведение человека и возможных моментах плохого самочувствия, если употреблять их одновременно со спиртным. Все сказанное им больше напоминало заботливые наставления отца, чем беседу мужчины с дамой сердца.

Музыка стихала, время работы ночного заведения подходило к концу, Вероника вернулась за столик, сказав, что успела поскандалить с бывшим мужем, а теперь спокойно может уходить. Провожающие нас мужчины оказались знакомыми между собой, и по пути к дому спутник подруги отстал с ней, договорившись о встрече со своим приятелем. Олег же продолжал меня удивлять, не пытаясь напрашиваться провожать меня до квартиры. Он просто попросил: «Останься со мной на несколько минут».

Ветер набирал силу, все сильнее и сильнее разгоняя тучи. В темноте ночи появилась луна, когда мы присели на лавочку у моего дома. Олег взял мою руку и нежно провел по ней, погладив ее, он произнес несколько странную речь, словно был уверен, что расставался со мной не надолго.

– Ирис, как не хочется покидать тебя,.. Но мы увидимся – может, скоро?

Я не знала, что ему ответить, и, слегка подергав плечами, кивнула. Расставшись, мы условились встретиться с ним завтра.

По возвращении домой мне захотелось спать. Я приняла душ и сразу заснула.

Мы гуляли следующим вечером по осенней набережной. Звезды были редкими среди нависающего над головою темного неба. Погода не баловала; мы пили вино и смотрели на набе-

гающие волны. В ночном свете яркие островки освещенных волн завораживали. Шторм набирал силу, брызги от сильных ударов волн искрились при свете огней на набережной. Ветер усиливался, становилось холодно, и наконец пошел дождь.

– Я прошу тебя, Ирис, пойми меня правильно, но не было у меня такой женщины. Не спеши покидать меня. Скажи мне, в чем заключается твой секрет?

– Тебе не понять, но, если ты спрашиваешь, ты глуп как последний дурак.

– С тобой я – дурак. Почему мне так легко? Я забываю все свои проблемы, когда ты здесь: ты – рядом, они – растворяются. Ничего не существует, кроме ультрамарина глаз. Я тону в первозданной их глубине. Ты загадочна и женственна. Вместе с тем ты являешь собой гармонию, твои слова и движения естественны и аристократичны. Что же ты делаешь здесь? – спросил он меня о том, что меня терзало давно, и я понимала это, но и сама не могла ответить себе, зачем я здесь. Здесь, в этих бесконечных лабиринтах дней, так странно похожих один на другой. Казалось, минуту назад и я не знала на него ответ, ответ, который явился откровением и неожиданностью для меня, когда я заключила:

– Может быть, и я забываю свои проблемы.

Открывая сейчас ему мои тайные мысли, терзавшие меня уже столько лет своей безысходностью, я удивлялась сама, словно на спиритическом сеансе узнавала истину. Затем я почувствовала: устала. Больше не хотелось отвечать на его вопросы. В паузе была своя прелесть, некоторое время я молчала. Нам было хорошо вдвоем в тени среди пустынной набережной, но ночью становилось туманно, небо затягивалось облаками. В промозглом воздухе становилось сыро.

– Ирис, давай пойдем по пути, я захвачу теплую куртку, ты вся продрогла.

– Конечно, хитроумно, но соглашусь.

Мы поднялись наверх, покидая мокрую набережную, на виллу, где проживал мой спутник. Это была одинокая усадьба в стиле тридцатых, только современно оснащенная всем необходимым. Войдя в нее, из фойе мы шли по ступенькам, мягко ступая по ним, покрытым ковровыми дорожками, наверх. Здесь располагалась спальня; тяжелая вишневая мебель придавала ей торжественный вид. На прикроватную тумбочку я опустила бутылку с вином. Присев на пол у моих ног, он напоминал мне огромного пса, ждущего ласку покорно и терпеливо. В уютной спальне было тепло, разыгравшаяся за окном стихия придавала особый шарм этим поздним часам. В тишине комнаты все отчетливей становились удары от падающих тяжелых капель дождя.

Олег целовал мои руки, которыми я гладила его мягкие волосы, и затем я попросила его: «Почитай мне стихи». Каждая произнесенная строка начиналась одним: «Либен клайне»⁴. Немецкий наиболее выразительный из германских языков, на меня производил особое впечатление. Я не понимала языка, но мне нравилось его слушать. Шум ветра и дождя дополняли мелодию стихов, их ночной звук сочетался с шумом бамбука, растущего за окном.

Некоторое время мы общались на абстрактные темы и на темы Востока. Я закрыла глаза и забылась минутным сном, проснувшись от его нежного прикосновения, – Олег гладил и целовал меня. Очень страстный неутомимый любовник в эти минуты был ласковым.

– Мне жаль, – сказала ему, – мне надо спешить.

Мы возвращались, дождь, не переставая, хлестал в лицо, с каждой минутой усиливаясь. Мы зашли в подъезд и подошли к моей двери.

– Ты благоухаешь как младенец, – сказал он, продолжая целовать меня. – Я хочу быть с тобой снова и снова. Не знаю, что может произойти завтра, но мне хочется остаться с тобой.

Я верила его словам, в эти ночные минуты они возбуждали, лаская мой слух своей правдой: влюбленный мужчина всегда желает одного – не расставаться с тобой.

⁴ Любимая женщина (нем.).

– Ирис, я с ума схожу от тебя, ты мне нравишься безумно! – он повторил слова, услышанные мною от другого человека уже больше года назад.

Растущее желание затмевало доводы разума, мы поднимались на крышу, где среди царящей темноты стоны заглушали вой ветра. Холод и страх отступали, только страсть еще сильнее накаляла тела и овладевала нами, но в какой-то миг я словно ощутила на себе взгляд, затем, отбросив эти невозможные мысли, забылась в сладкой истоме.

Спустившись по ступенькам, мы расставались.

Я молчала. Олег поцеловал меня, и я открыла дверь, исчезая в ночи.

Призраки

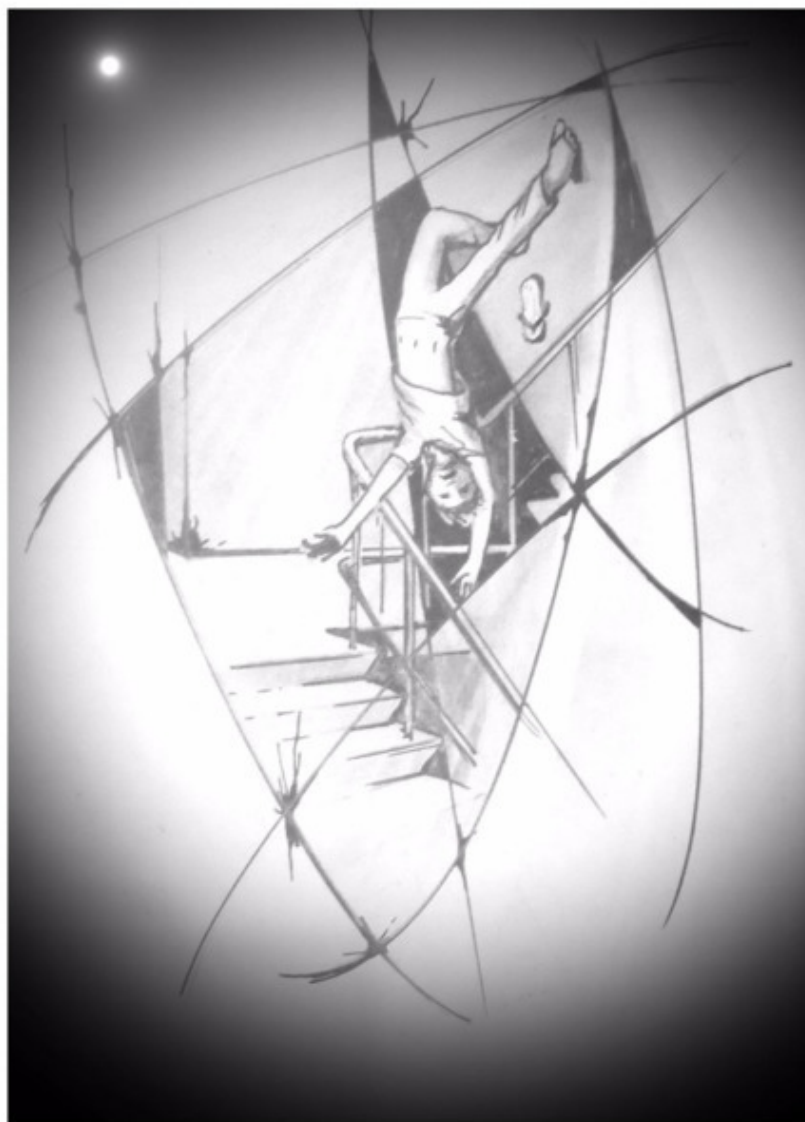

Иллюстрация Людмилы Ломака

Ночью, как только вошла, упала на кровать; мне показалось, что наверху кто-то ходит, но кто может быть там? Или все же был кто-то на чердаке? Меня одолела усталость, не хотелось ни о чем думать, и я забылась во сне, когда проснулась от разбудившего грохота, похожего на падение огромной плиты. За дверью, на ступеньках, ведущих на чердак, лежал человек в луже крови. Голова его была направлена вниз, с нее стекала кровь. Руки, распростертые

в стороны, еще оставались теплыми. Пульс уже не бился – падая, незнакомец сломал себе шею. Запах крови, исходящий от трупа, с каждой минутой усиливался, становясь все невыносимее.

Утром приходили соседи, смотрели, но его так никто и не опознал. Одна версия была официальная: человек заблудился в темном подъезде, оступился, поскользнувшись на лежащей случайно здесь металлической двери у перилл чердака, и упал. Он сломал шею при падении с высоты трех метров. Смерть его наступила мгновенно.

Версия вторая была моей, и события, происшедшие накануне ночью, доказывали ее реальность. Отчетливей вспоминались яркие огоньки глаз, блеснувшие при вспышке молнии, и сильный удар грома последовал в ту роковую минуту. На крыше был свидетель.

Я догадывалась: не от любовной картины, увиденной им, он поплатился своей жизнью. Скорее всего, Олег тоже заметил там неизвестного, значит, мне не показалось, что кто-то на крыше был? Что же произошло? Кто знает, сколько времени незнакомец провел на крыше, пока Олег не застал его? Зачем он шел за нами, заставляет задуматься. И, на первый взгляд, из нелепых совпадений снова складывалась загадочная мозаичная картинка. Замысловатые мрачные рисунки ее еще не были законченными, как и разговор между нами о вновь ожившем, сильное сходство его с Олегом из прошлого. Хотя у меня не было полной уверенности в моей догадке, что он изменил лицо.

Оставалось узнать, кем был мертвец за дверью. Преступник, преследовавший Олега, маньяк или обычный грабитель? Кто сбросил его? Или это случайно заблудившийся, оступившийся в темноте? Что за человек, смерть которого объявили несчастным случаем?

Утром мой ночной спутник был уже далеко. На его вопрос, что я делаю здесь, у меня не было ответа. Казалось, что нет реальных перемен, их и не может быть в моей жизни, да и что могло бы ее изменить?

Только события, произошедшие минувшей ночью, казалось, перевернули все с ног на голову, являясь неожиданным поворотом из прошлого.

Не жди ничего, воспринимай все как должное

Я рассматривала зимние узоры непривычно холодного декабря, когда неожиданно раздался звонок. Валера ждал нашей встречи, но откладывал ее на некоторое время. Причины он не называл, но я понимала: эти причины – его лечение. Однажды номер его телефона высветился, я догадалась: он звонил из клиники в Москве. Его звонки были для меня сродни новогодним ощущениям – ожиданиям праздника. Все грустные мысли ушли в прошлое, я верила в мечту и в новые перемены, которые изменят мою жизнь. Его любовь меня окрыляла, после его звонка мне было легко и радостно.

Приближался Новый год – время, когда праздничная суета заставляет забывать нас обо всем, кроме нее. В эти предпраздничные дни солнце светило ослепительно ярко, оно меняло мое настроение, и я понимала: печаль – это не для меня. Валера позвонил мне вновь в феврале, предлагая поехать с ним в Испанию – он будет сопровождать группу спортсменов.

– Ирис, я оплачу все расходы, ты поедешь со мной?

– Да.

– Тогда машину оставлю в Москве. Ирис, мне нужно, чтобы ты была со мной, мы проедем через многие страны, машину поведет водитель.

– Окей, сообщи мне, когда прилетать в Москву. Валера, и я по тебе скучаю...

В трубке повисла тишина, и затем связь прервалась. Я понимала: ему трудно, и в такие минуты он молчал.

Я любила вспоминать наши встречи с Валерой. Когда думала о нем, меня по-прежнему не отпускала одна и та же мысль: кто знает, сколько нам отмерено – год, минута, два дня? Довольствуйся часом, минутой, в которой ты живешь. Я понимала: Валера серьезно болен, и то, что я могла бы ему предложить, он отвергнет, не перенося жалость.

Я надеялась на встречу с Валерой, человеком, оценка которого значительна для меня и сейчас. Она заставляет меня оторваться от привычных стереотипов и понимать, что для меня предназначено большее, – так считал Валера.

В эти дни ожидание казалось бесконечным, я уходила к морю, слушала шум прибоя, крик улетающих чаек, предавалась мечтаньям и надеждам.

Мархбебикум

Иллюстрация Людмилы Ломака

С Валерой мне не суждено было уехать в Испанию; недавно – этой весной – там прогремели взрывы: террористы будоражили Европу. Несколько поездов пострадало от их акций, многочисленные жертвы среди пассажиров в столице Испании приводили в ужас. Я не смогла больше ждать дня отъезда в Испанию, как мы планировали и мечтали с Валерой, но не по причине прошедших там взрывов. Через неделю я покидала страну и улетала по приглашению

моей дочери в королевство Марокко. Столько лет ожиданий встречи с дочерью – и вот все решалось в эти дни.

В эти дни звонил и Денис, волновался – сначала он подумал, что мне предстоит уехать навсегда. Этим он рассмешил меня, и в конце разговора мы условились созвониться, когда я вернусь.

В Шереметьево перед вылетом рядом со мной присел мужчина восточного вида, он читал. Фраза из его книги запомнилась мне надолго: «Не радуйся, не жди ничего, воспринимай все как должное». Назвать ее актуальной – этим ничего не сказать, она большее.

Объявили мой рейс, и я... на борту авиалайнера.

Красота полета отвлекала от переживаний. Амстердам, город на озерах, необычное, поразительное зрелище, которое завораживает, среди воды и зеркальных отражений. Впечатления переполняли, увиденное казалось нереальным. Лайнер наклонился и стал снижаться, погружая, подобно птице, свои крылья в густые белые облака; мы приземлялись.

В аэропорту Амстердама было многолюдно, пассажиры стремились каждый к своим выходам, расположенным в разных блоках, магазины и кафе позволяли заполнить время в период ожидания транзитных рейсов.

Проведя в аэропорту несколько часов, я обратила внимание на людей, одетых по-восточному: они вели неспешную беседу на французском, моментами в ней проскальзывали арабские слова. Они находились в зале ожидания на соседнем ряду, составляя контраст пассажирам из Голландии, белокожим и высоким, речь которых напоминает английский, но более резкая, отрывистая. Вместе с сидящими я пошла на посадку и продолжила свой путь в древний Магриб.

Самолет поднялся ввысь; рядом со мной оказался гражданин Франции – Пьер, компьютерщик. Мы разговорились, насколько было возможным наше общение: в эти минуты, когда я вспоминала забытый французский, наша беседа больше напоминала язык жестов. Французы к женщинам очень внимательны. Я отвлеклась от забот, почувствовала себя женщиной, слово, звучащее на языке Франции «медам», ласкало мой слух. Вторая часть полета пролетела незаметно – это общение с Пьером отвлекало и спасало меня от моих переживаний, растущих с каждой последующей минутой, приближающей меня к конечной точке моего полета. Ночью самолет приземлился в аэропорту Мухаммедия.

Простившись с Пьером, моим соседом по лайнеру, я вышла в зал к встречающим. Меня не сразу заметили; ожидая худшего, я направилась к разменному бюро, но на пути к нему услышала свое имя – меня все же встречали. Здесь были бывший муж и моя милая девочка. Ей исполнилось девятнадцать. Не долгожданную радость вызвала наша встреча – я испытала огорчение. Одета в темное, худенькая, неуверенная в себе, она радовалась мне как ребенок. Мы сели в машину, и она тронулась. С первой минуты я старалась быть вежливой с Нобилем, испытывая отвращение к бывшему первому мужу и огромную радость, переполнявшую меня от встречи с дочерью. Зачем он забрал ребенка? У него теперь состоялась другая семья и другие дети... Было заметно, что он не уделял ей должного внимания: за все эти годы сказывалось скорее бабушкино воспитание, и внешне оно выражалось в ее одежде. Аскетизм ее поведения и отношения к жизни, не свойственный молодым женщинам, в эти первые минуты так бросился мне в глаза. Характер Нобилия оставался таким же: он был самоуверен, и взгляды его на жизнь были недалеки. Если годы и изменили Нобилия, то не в лучшую сторону: он постарел и обрюзг, ничего не осталось от былой его красоты. Мы с ним были женаты несколько лет, когда мне было восемнадцать, тогда его называли «гзель»⁵: тонкие черты лица, выразительные глаза, волосы, спадающие крупными буклями, имели яркий оттенок – шатен. Фигура дополняла образ газели – стройный, тонкокостный. Теперь тело его расплылось, что свойственно

⁵ Красивый (*араб.*). Сравнивается с тонкой красотой газели.

восточному типу людей. И его лицо, напоминающее сдутый мяч, смотрело на меня из зеркала машины, которая в эти минуты стремительно неслась по скоростной магистрали – «магистрали прожитых лет».

Ночной Рабат мало изменился. Та же городская арка, которую мы пересекаем в эту морозящую ночь. Улицы и проспект Хасана Второго остались позади, вот он – Мандариновый переулок и четырехэтажный особняк. Я вижу тяжелые входные двери – сколько же ночей они будоражили меня во сне: взяв за металлическое кольцо, я стучусь в них, но никто не открывает, кажется, я умираю в эти минуты, теряя сознание, но ничего не происходит – только сон, где я просыпаюсь в холодном поту его кошмара. Кажется, что возвращаюсь в прошлое: через пятнадцать лет эти двери открываются, я вхожу, поднимаюсь по каменным круговым ступеням старинного дома; родители Нобиля встречают меня наверху в небольшой гостиной. Много лет нас разделял их обман, и теперь они смотрят мне в глаза. Свекор улыбается мне; в глазах свежести не вижу радости, но нам ясно: время расставило все на свои места. Торжества не было, как было тогда, в первый мой приезд в Рабат...

В ту позднюю ночь здесь, в доме, собралось много родни, все ждали меня. Перед входом нас встречала старая хозяйка дома – мы Зубида, она пригласила войти, я выпила из ее рук молоко и, съев финики, последовала за ней в зал, по обе стороны которого располагались два салона – мужской и женский. Все приветствовали меня: «Мархбебикум,⁶ Ирис». «Мархба», – женщины ликовали, издавая улюлюкающие громкие звуки, долго еще в стенах этого дома звучали песни. Я отправилась наверх, в наши апартаменты; отдыхая, я слышала шум: гости не спешили расходиться. Это был праздник в честь моего приезда.

Когда впервые я поднималась по круговым ступенькам, мне казалось, что я была здесь, в этом доме. Ощущения из моего вещего сна накануне поездки были очень яркими, и тогда, идя по дому, они вспоминались: странный, зловещий сон, что был ключом к предстоящей тогда поездке в древнюю столицу. Но я не открыла этой тайны, оставшейся за дверью, не придав значения кошмару перед моим отъездом сюда, в мир Востока. Мне снилось: на руках по дому меня несет мой муж. Другая картинка сменяет ее. Я вижу женщину на фоне кровавых туш в одной из приоткрытых комнат. И с этих туш, подвешенных за горло, стекает кровь. Осознаю: бежать мне нужно; владеет страх мной – такое парализующее чувство, что двигаться я не могу. Я вижу детский гроб в другой из комнат. Его во сне желаю я похитить.

Проснулась я в глубоком страхе, цепenea, как будто мой покойный дядя, много лет назад наложивший на себя руки, покидая меня, словно погладил по плечу. От чего он хотел меня предостеречь, стало мне очевидно теперь.

Вспоминая о событиях давнего времени, я смотрела на свою девочку – теперь, через столько лет, мы снова были вместе. Я лежала в темноте рядом с дочерью и рассматривала ее спящую, молчунью, робкую и тихую, – такой же меня знали здесь раньше. Я вижу все ее чувства в ее глазах и знаю, как мы похожи.

Начиная с этой ночи мы просыпались вместе. Утром яркое солнце будило меня. Свет проникал сквозь жалюзи, струился, и шум восточного города поднимал меня. Призывные звуки муллы с ближайшего минарета доносились среди всего этого городского мотоциклетно-машинного шума, сливаясь с дальними соседствующими мечетями города, не давая обитателям в повседневной суете забывать о «вечных ценностях». Я улыбаюсь, ощущая, что рядом спит Любна. Она не привыкла спешить, поэтому я не тороплю ее, наблюдая за ней в ее сне. Время на Востоке тягуче, неспешный уклад жизни перемежается минутами молитвы. В эти утренние минуты я пила кофе, дожидаясь ее, гармония и душевный покой переполняли меня. Все грустные мысли меня покидали, краски Востока с каждым следующим весенним днем становились все ярче. Розовые оттенки весеннего утра пришли на смену унылым цветам и в одежде моей

⁶ Добро пожаловать (*араб.*).

дочери – в них отражались оттенки нашего настроения, мы много гуляли и совершали покупки. Девочке уже исполнилось девятнадцать – возраст первого моего посещения Марокко. Тогда у меня на руках уже была моя девятимесячная Любна. Как же было одиноко мне в первые дни... Затем общие взгляды на моего мужа сблизили и сдружили меня с Нижвой. Она сейчас и помогала мне общаться с продавцами. Нижва в данный момент временно проживала в доме своей свекрови – Зубиды, которая одновременно являлась прабабушкой моей дочери. Здесь, в нижних салонах дома, Зубида доживала свой век – ей было девяносто восемь лет. Родственники – ее взрослые дети – навещали больную старуху, собираясь у нее в спальне. Казалось, она не могла умереть долгие годы, дожидаясь моего возвращения.

Я часто спускалась к ней в нижнюю часть дома, садилась у ее изголовья на кровати и гладила ее по плечу. Мне рассказали, что, когда я уехала, моя маленькая Любна гладила ее так же, как делала это я – ее мама. Я слушала их, не переставая удивляться, как многое моя маленькая тогда дочь переняла от меня. Ласточки, залетающие в небольшой прозрачный купол зала, уносили мои мысли в те давние дни. Тогда Зубида еще имела способность передвигаться, часто она просила меня посидеть с ней, и я наблюдала ее вязание крючком. Многое изменилось, но отношение старой Зубиды, как и других ее детей и родственников, ко мне не менялось, они оставались такими же теплыми и постоянными, как и старинные части этого дома оставались такими же крестообразными в плане. Нижняя часть дома имела два больших салона, которые пересекали два маленьких, стены салонов украшала мозаика, вдоль стен располагались восточные диваны. В одном из маленьких салонов находилось большое старинное зеркало и диванчик, другой, что напротив, был жилищем из нескольких небольших комнат мы Зубиды. Это была небольшая белая комната с тяжелой старинной мебелью красного дерева. Огромное зеркало, казалось, было свидетелем всех событий и приходивших сюда родственников, детей и внуков старой Зубиды, их семей и родственных кланов. Казалось, время остановилось здесь. Сюда, в нижнюю часть дома семейства Аль-Мумии, я спускалась, как и прежде, много лет назад. В покоях мы Зубиды происходили встречи между родственниками, приезжающими сюда из разных частей города, я общалась с ними, многие из родственников знали меня раньше. Все проходило здесь, как и принято, традиционно; предлагался чай, на небольшие восточные столики подавались различные сладости, к ним – зеленый чай, кофе.

Перед чаепитием служанка подносила небольшие сосуды для ополаскивания рук – это был цветочный отвар жасмина. Это был пряный аромат Востока, где в неспешных беседах с чаепитием, как в песочных часах, протекает наше время.

Так после одного из визитов родственников, собирающихся в салоне мы Зубиды, я, возвращаясь в верхние апартаменты, услышала скандал на лестнице между своим бывшим супругом и его женой – видимо, он не хотел ее видеть, когда находился в моем присутствии. «Интересно, – подумала я, – что бы она сказала, узнав, как вечером в день моего приезда в Марокко в доме родителей Нобиля моя дочь была свидетелем сцены, поразившей ее...»

Хотя он говорил на русском, чтобы понять смысл сказанного им, не нужно было знать язык – его жесты были красноречивей слов.

– Я хотел бы посмотреть на тебя, – сказал он, когда я раздевалась.

Затем он попытался проникнуть в душевую комнату, но я, сначала приподняв свитер и прочитав в его взгляде неподдельное желание увидеть меня обнаженной, мгновенно отстранила его на глазах изумленной происходящим моей дочери и сказала:

– Теперь ты не мой муж.

И если Любна поняла это как негативное поведение отца – семейного человека, нарушающего правила приличия, то я отнеслась к происходящему иначе: он не может сдержаться, но теперь я для него недоступна.

Сейчас, находясь в Марокко, я замечала взгляды бывшей своей свекрови, которые она бросала на мое тело, все так же завидуя мне и испытывая злобу и страх... Страх от того, как

я себя поведу с ее сыном. Свекровь видела, что годы не смогли охладить того пыла, страсти, которую испытывал ко мне ее сын, изменить его поведение и сейчас. Он готов был разрушить свою семейную жизнь, если бы только я этого захотела. Но как ей понять все то, что пережила я в разлуке с ребенком... Думаю, если бы она только догадывалась, какое отвращение я сейчас испытывала к Нобилу, ее последующие поступки не стали бы такими компрометирующими. Но она не желала воспринимать реальность.

Я думала только о своей девочке, и перед отъездом в Касабланку со мной произошли события, вновь показавшиеся мне не случайными.

В один из дней по прибытии в Марокко мы с Любной беседовали на освещенных солнцем ступеньках, ведущих на террасу, располагаясь напротив кухни. Я беседовала с девочкой, сверяя свои слова со словарем, чтобы ей был понятен точный перевод сказанного. Я рассказывала ей о давних событиях, стараясь объяснить истинные причины, послужившие моему отъезду, и почему ей пришлось здесь жить без матери. В это время моя бывшая свекровь находилась рядом, занимаясь приготовлением обеда, в чем помогала ей служанка и что позволяло ей находиться довольно близко возле нас, чтобы хорошо слышать сказанное.

После обеда мы с дочкой вышли на прогулку в старый Рабат – историческую часть города. Там, на берегу океана, среди старых стен древнего города, мы прошли по его узким улочкам и зашли в старый парк, где я вновь смотрела на чудных рыб-змей. А затем мы зашли в кафе, где с вершины данного места любовались панорамой залива, и, заказав там только сок и черный кофе, завершили наше посещение древностей, пройдя через медину, старые торговые ряды, где я продолжала покупать сувениры и настенные тарелки с марокканскими пейзажами.

Вернувшись в дом Аль-Мумии – дом свекровь, я узнала, что этим вечером к ужину за нами заедет Мурат – родной брат Нобиля; его жена и раньше приглашала меня в гости или в один из столичных ресторанов.

Вечером за нами приехал Мурат, который так и не изменился, оставаясь таким же добродушным человеком, развлекая нас своими шутками и вниманием по дороге, пока вез к себе в квартиру, расположенную в другой, противоположной, части города, состоящей в основном из новых застроек. Поначалу все было, как принято здесь: мы пили кофе и зеленый чай с жасмином, попутно беседуя, смотря видеозаписи гастрольных музыкальных поездок Мурата и его семейный альбом. Минуту около часа, когда жена Мурата – Зинаб⁷, – действительно оправдывая свое имя ее прекрасным лицом и тонкими его чертами, приглашала нас к столу. В меню вечера подавались различные салаты, мясное – большое блюдо из куска баранины с тушеными овощами и фасолью, а перед ним чудесные жюльены из грибов. Их ели все – и двое маленьких детей Мурата тоже, как и Зинаб. В продолжение вечера она рассказывала мне о своей свадьбе и свадебном платье в традициях Марракеша, сопровождая рассказ показом фотографий свадьбы и их с Муратом свадебной поездки в Марракеш.

Ночью, когда все уже спали, я стала задыхаться. Чувствуя, что могу потерять сознание, я зашла в ванную комнату, стала пить воду и промывать свой желудок. Почти без сил я вернулась из ванной комнаты на диван и на рассвете через служанку попросила позвать ко мне Мурата. Он принес мне сильнейшее лекарство, выпив большую дозу которого я почувствовала себя значительно лучше. Лежа, я услышала, что нынешняя жена Нобиля спрашивала о моем местонахождении и сообщала Зинаб, что Нобиль не ночевал сегодня дома. Где же ему быть, как не у своей мамочки... Я представила, как он спит в комнате, где я ночевала, в доме у свекрови, или он, как фетишист, обнимает мою сорочку до наступления утра, вдыхая ее сладкий аромат, который, как он говорил мне, напоминает ему запах парного молока, доводящий его до безумия. С моим появлением их семейная жизнь дала трещину, и поведение моего бывшего все больше беспокоило его родственников. Затем Мурат сообщил жене и о моем состоянии. Зинаб

⁷ Прекраснейшая (араб.).

расстроилась, когда узнала, и просила у меня прощения, как хозяйка, не понимая, почему мне стало плохо, когда все ели одинаковые блюда. У нее испортилось настроение, и, извинившись еще раз, она попросила Мурата ехать на пикник без нее.

На большой поляне, соседствующей с другими полянами, расположились родственники клана Аль-Мумии, здесь не было только Нобиля с его семейством: он не появлялся с женой или если и находился в моем присутствии, то всегда бывал без нее. Его сестра из Касабланки приехала сюда с мужем и детьми, которых я видела, когда они были совсем маленькими. Среди небольших деревьев, похожих на карликовые, были разложены подстилки – на них, отдыхая, находились члены большого семейства. Когда все пообедали, я пила только воду, так как состояние мое было еще не лучшим; я видела, как свекровь старалась отвести свой взгляд – видимо, понимая, что вчера допустила оплошность.

Сделав некоторые визиты и проведя еще дней пять в столице, мы с родителями Нобиля уехали в Касабланку – на виллу его сестры.

В Касабланке нас встречал ее муж, который расспрашивал свекровь обо всем, и о поведении Нобиля, сообщив ей о том, что жена Нобиля находится сейчас в Касабланке и дело принимает нежелательный оборот. Думая, что я забыла арабский, они беседовали и советовали на поведение Нобиля. Незаметно мы подъехали к трехэтажному особняку, где жила их семья. Въехав в гараж во дворе дома, я вышла из автомобиля марки «Мерседес» и заметила, что здесь мало что изменилось. Антураж вокруг оставался прежним – аккуратно постриженная зелень газона, несколько мандариновых деревьев и примыкающая к столовой летняя беседка. В ней я увидела сестру своего бывшего мужа – Птицам.

Птицам была женой инженера. Дети их подросли и получали хорошее образование, а в доме с ними, как и раньше, находилась свекровь Птицам. Уже старая женщина, она рассказывала мне обо мне же – заботливой матери, которая, по ее словам, очень любила свое чадо и не отпускала его из рук, – такой я запомнилась здесь. В этом доме меня, как и раньше, любили – и старая свекровь Птицам, и ее дети. Люди, взвешенные по-восточному, оценили перемены, произошедшие во мне. Сейчас я приехала в качестве женщины, уже не связанной семейными узами, многое виделось иначе – другим. Другими глазами теперь смотрела на меня и Птицам: многое понимая уже иначе, она словно металась между любовью к матери и реальностью происшедшего.

Наутро в открытой беседке у дома за завтраком мы беседовали с мужем Птицам – Абдель-Тефом и ее сыном Мехди, который, работая в одной из аудиторских фирм Касабланки, интересовался налогами, которые платятся в нашей стране. На вопрос его отца, Абдель-Тефа, нравятся ли мне перемены, происходящие в нашей стране, я ответила:

– Да.

– Ну а как же налоги? В нашей стране собственники, скажем, магазинов не платят налогов государству, а как же вы воспринимаете этот факт?

– Я воспринимаю его как огромное сожаление о том, что у нас перемены в области налогов иные. (Подумав: «Действительно, который год я бьюсь с моим предприятием, практически оставаясь на прежнем уровне, не имея возможности роста. Очень большая статья расходов приходится на налоги и не меньшая на коррумпирующих чиновников... Все чаще жизнь подтверждает знакомое всем изречение: „Богатые богатеют, или деньги тянутся к деньгам“».)

Свекровь, слушая наш диалог, ощущала себя некомфортно. Такой она, по сути, и была – малограмотной женщиной, большую часть времени проводящей в стенах дома, некомпетентной в вопросах бизнеса и далекой от вопросов политики.

Она видела взгляд моей дочери и ее другое восприятие меня, новое выражение ее чувств гордости и уважения. Любовь Любны была направлена ко мне, и теперь назревал новый скандал после ночной моей беседы с дочерью, когда утром она дала понять свекрови, передав ей мою просьбу, что я не желаю, чтобы она – мать Нобиля – обращалась ко мне не как к матери

ребенка. То есть, чтобы свекровь не давала больше ей, Любне распоряжения через мою голову. Я указала ей на ее место бабушки, которая не должна забывать о существующей в семье иерархии: вопросы в первую очередь задаются мне по поводу обращения к дочери, а затем только Любне.

В довершение всего, проведя несколько прекрасных дней и посетив прекрасную набережную Касабланки, мы с Любной уехали несколькими днями раньше из города, оставив свекровь гостить у ее дочери Птицам. Тот факт, что я не делюсь своими планами и не спрашиваю свекровь относительно их, особенно огорчал ее. И, проведя эти дни в атмосфере пристального ко мне внимания со стороны свекрови и семейства ее зятя, вечером сев на поезд Касабланка – Рабат, мы с Любной покинули город, предоставив Птицам отвлечь и развлечь мою свекровь поездкой в Валидию – пятидневным отдыхом на ферме.

В последующие дни мы с Любной отдыхали, проводя время в спортивных клубах – клубах работников банка, каковыми были многие из родственников свекра. Там меня и посетило новое семейство Нобиля – его дети, их няня и он сам, но без супруги. Мы сидели за столиком в кафе у волейбольной площадки, когда ко мне подбежал маленький сынишка Нобиля – он поцеловал меня прямо в губы (мне кажется, этому научил его отец). Затем к нам присоединился и младший брат Нобиля, тоже со своим семейством. Находясь с Любной в Рабате, и в отсутствие свекров я все равно оставалась под пристальным вниманием семейства Аль-Мумии.

В один из последующих за посещением Касабланки и посещением консула России дней я с дочерью и свекрами, прибывшими из Валидии, курортного городка у океана, была приглашена свекром – Абдель-Кадером на отдых. С утра мы отправились в элитный клуб для служащих банка в Марракеше. На вокзале Рабата нас провожал мой бывший муж – отойдя в сторону от его родителей и дочери, я напомнила ему, чтобы он не затягивал с оформлением документов Любны, и упрекнула его в том, что ему следовало пригласить меня гораздо раньше, что решило бы многие проблемы с гражданством нашей дочери. А не теперь, когда ей уже исполнилось восемнадцать. Вместо ответа на мои упреки, он стал уходить от него и вспоминать события пятнадцатилетней давности, упрекая меня и продолжая, как и прежде, ревновать к своему бывшему другу – адвокату. Я смотрела на него и в эти минуты на перроне смеялась над ним:

– Так почему ты не посадил его в тюрьму, если ты прав? Может, я была бы не против такого поступка! Тебе нечем крыть, – добавила я. – Да, не отрицаю, я всегда ему нравилась, только не я, а он – твой друг – мечтал на мне жениться. Ты вправе был не пускать его к себе в дом, так что же тебе мешало? Может, пригласишь его сейчас для встречи со мной?

Лицо Нобиля пылало от гнева, он продолжал страдать и терзаться муками неразделенной любви и ревности. Я смотрела на него и видела перед собой человека с его прежними животными пороками, которого я перестала уважать еще перед рождением Любны. Когда я вынашивала ее, он, мой бывший муж, продемонстрировал мне их в полной мере – очередным своим хамским поведением; тогда я была беспомощна и не нашла в себе сил бросить его, зная как мои родители прежде были против нашего брака и как отнесутся к разрешению такой ситуации сейчас. После отъезда мужа я, оставшись в России, родила свою девочку и искренне надеялась на перемены в отношениях с ним. Приехав в Марокко, я осознала, что не могу ничего с собой поделать – любовь ушла, я не могла любить человека, двуличие которого в отношении меня было заметно и некоторым близким, окружающим нас. Его двоюродный брат Амел, учившийся в Киеве, был единственным, кто понял меня. Находясь на каникулах в Марокко, однажды мы посетили его и его родителей в дальнем квартале города, где они проживали. Стоя в прихожей своей квартиры, он услышал слова Нобиля, полные пренебрежения, о нем – об Амеле, сказанные его братом на русском языке, – понял их и заметил ему. Он понял и то, как на тот момент мой бывший муж уже вошел в свою роль. Отойдя со мной в сторону, Амел сказал мне, что жалеет меня, выразив свое человеческое сочувствие.

Я страдала от тирании и словесного хамства своего супруга, но вела себя скрытно, позволяя себе выходить за круг его убеждений, общаться с тем, с кем считаю для себя нужным. В те дни, пятнадцать лет назад, это было особенно кстати, иначе я сошла бы с ума, находясь в окружении мужа. У меня был свой круг знакомых, с которыми я общалась в парке столицы, находясь там, когда гуляла с ребенком. У меня были знакомые – студенты экономического и юридического факультетов одного из столичных институтов, с ними я разговаривала и общалась в предобеденные часы, так как с мужем мы отдалялись. Женщины дома на Оранжевой улице в это время готовили обед, а я не занималась кухней и была свободна, распоряжаясь сама своим временем. Может быть, свекор и знал о моих прогулках, о друзьях и беседах: однажды накануне моего развода с мужем он как-то не по-восточному в беседе со мной предложил мне вести себя так, как мне захочется, но не бросать его сына. Он привел мне в пример одну из своих сотрудниц банка, которая, по его словам, кокетничала, но не разводилась со своим супругом. Сейчас, спустя годы, свекор вел себя, как и раньше, уважительно, поддерживая доброжелательные отношения со мной. В отличие от Нобилия, он пытался меня понять, читал произведения Достоевского, «Анну Каренину» и «Войну и мир» Льва Толстого. Только во всем этом было одно но: я выходила замуж не за отца, а за его сына. В годы моего отсутствия Нобиль открыл перед всеми свой капризный эгоистический нрав, как и причины наших разногласий, которые были не в моей национальности и не во мне. После моего отъезда он женился во второй раз – на довольно обеспеченной марокканской студентке. Она, родив от него сына, затем развелась с Нобилем и, забрав ребенка, вернулась к своим родителям. Его настоящее поведение в браке с третьей женой было не лучше; амбиции, скандалы и претензии были основой отношений – время расставляло все на свои места. Авторитет моего бывшего супруга таял с каждым последующим годом, но в отличие от них, его жен, я жила здесь одна – в отсутствие близких родных уязвима и беззащитна.

Приближающийся экспресс избавил меня от дальнейших препирательств с бывшим, и я последовала за свекрами и дочкой, ощущая свежий порыв ветра, оставив Нобилия, как и мои грустные мысли и воспоминания, на исчезающем из вида перроне.

Дорога в южную часть страны проходила среди африканских пейзажей: песчаных барханов, небольших оазисов и пустынных мест. Маленькие островки с голубыми озерами и цветущими пальмами словно тонули среди бесконечных зыбучих песков. Все ближе к древнему загадочному городу увозил нас экспресс – комфортабельный поезд Рабат – Марракеш.

По прибытии Розовый город встречал непривычно – прохладой, не характерной этому времени года. На одном из такси мы быстро приближались к территории клуба «Популярного банка». Пространство клуба составляли корпуса трех- и двухэтажных коттеджей, напротив, которых располагались открытые бассейны и спортивные площадки; все утопало в цветах, и небольшие фонарики высвечивали вечерние уголки пейзажа. Мы занимали четырехкомнатные апартаменты, с третьего этажа открывался прекрасный вид на ближайшие бассейны, вечерние огни отражались в их водах, и исчезающие в темнеющей дымке песчаные барханы предстали перед моим взором.

Дни в Марракеше напоминали мне праздную жизнь на наших южных курортах, только более размеренную и спокойную. Поздним утром мы плавали в открытом бассейне, в полдень совершали прогулки по городу, по старой площади и медине – национальному рынку. Здесь продавалось все, начиная от восточной одежды и сувениров, заканчивая домашней утварью и едой. На площади у медины нас развлекали традиционными танцами – они исполнялись под бой барабанов. Толпы зевак и иностранных туристов прогуливались вдоль, пробуя национальные блюда, предлагавшиеся здесь же в небольших открытых ресторанчиках, где все готовилось на наших глазах. Запахи, исходящие из кухонь этих ресторанов, были невыносимыми, я так же, как и прежде, не могла дегустировать блюда, продающиеся на площади, пахнущие вареными в котлах улитками. Хотя находилось много любителей подцепить чем-то наподобие булавки

и тут же отправить такое лакомство в рот. Они, как и змеи, танцующие под дудочку, вызывали у меня отвращение. Мне хотелось поскорее покинуть эту площадь.

Накануне отъезда из Марракеша произошел скандал – он назревал уже многие годы. Мы поругались с бывшей свекровью. Через столько лет она выплеснула наружу свои негативные эмоции, никогда раньше она не повышала голоса по отношению ко мне. Теперь прошлые мои сомнения подтвердились: она по-прежнему ревновала меня к своему мужу; наблюдая в течение утра его заплывы около меня в бассейне, свекровь не могла скрыть своей вражды. Она не могла смотреть на мое тело, остающееся таким же гладким, как и в прошедшие годы, на которое любит ее муж каждое утро у бассейна. В разных семьях по своему усмотрению воспринимался подход к национальным традициям. В семье свекра не было запретов на купание в общественных местах – она могла бы, как и другие арабские и французские женщины, находящиеся рядом со мной в купальных костюмах, загорать, но еще много лет назад, когда я была здесь впервые, свекровь и тогда при мне не обнажала ее стареющего тела.

В мое отсутствие она долгие годы ощущала себя молодой мамой, сохраняя свою семью и эту иллюзию. Она прекрасно осознавала, что стала бы ненужной своему мужу, если бы не отняла обманом мою дочь. Был завтрак, когда при моей беседе с дочерью она стала перебивать меня и опровергать мое мнение; мне пришлось ей сказать, что не следует вмешиваться в процесс воспитания, когда мать дает советы своей дочери. Я заметила, что она является бабушкой и прекрасно может подождать со своими разговорами до моего отъезда. В эти дни я возвращала ее в реальность и давала ей понять, что для меня она – старая змея; и никогда не стать ей матерью моему ребенку – это место, принадлежащее мне. Никогда не забыть мне, когда впоследствии я увидела у Низги – ее сестры – фотографии, где молодящаяся свекровь сидит за столиком напротив моей дочери, радостно улыбаясь, в тот момент, когда я в России была близка к самоубийству и, казалось, теряла рассудок. Только глаза моей девочки на этой фотографии в ответ на улыбку свекрови оставались такими же полными грусти, как и мои на другом континенте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.